

7. См. примеч. 1 к п. 60. В «Задруге» работы В. В. Святловского не издавались. Позднее Госиздат выпустил две его книги: «Русский утопический роман» (Пг., 1922) и «Каталог утопий» (М.; Пг., 1923).

№ 191

3 сентября 1918 г. Лебедянь

3—IX. 1918. Лебедянь.

Вот повесть о моих дальнейших приключениях. С талоном на внеочередной билет мне предложили явиться после 5 час^{ов} веч^е-ра>. Я приехал в 6; билета уже не оказалось... И я снова — перед проблемой космической: достать билет.

Вернулся к Гусину; переночевал. С утра, к 12 — я был уже на вокзале. Решил засесть там на целый день, уехать во что бы то ни стало. Опять отправился в Исп^{олнительный} К^{омитет}>, видел, как передо мною отказали ряду пассажиров в талоне на внеочередь. С важным видом предъявил свой просроченный талон — и, к удивлению, получил новый. Два часа стоял перед кассой — впереди толпы тысячи в три — получил, наконец, билет. На вокзале умеренно пообедал (тарелка воды и ломтик мяса). За обедом купил газету с историей необычайных приключений Урицкого и Ленина¹ (бедная: Вы в отчаянии, I am sure^{*}). Кругом разговоры, что будет сегодня обыск на вокзале, будут проверять документы всех отъезжающих² — и прочее. Мне, беспаспортному, было очень лестно.

Как же, все-таки, попасть в поезд с билетом? Снаружи — тысячная очередь уже обилеченных. Никто не знает, как попасть изнутри вокзала, но все советуют из вокзала не уходить: снаружи — все равно не попасть. Носильщиков нет.

С 6 1/2 часов, с вещами, становлюсь в некую организующуюся очередь. Никто из стоящих не знает, верная ли это очередь: кто говорит — на Елец, кто говорит — на Саратов. Милиционеры мимоходом наводят порядок: женщину с ребенком, к^{отора}я всовывалась в очередь, — хватили прикладом; солдата — по щекам. В костюме и пальто — жарища нестерпимая, изнемогаю. Кто^{-то} прибегает и исступленно кричит, что на Елец не эта, а другая очередь. Несемся с чемоданами туда. Стоим час. Анонс оказывается ошибочным: возвращаемся в хвост прежней очереди. И так — до 10 1/2. В 10 1/2 вместо 8 1/2, попали, наконец, на платформу и в поезд.

^{*} я уверен (англ.).

И дальше — знакомое путешествие в субботний день по Приморской дороге, помноженное на 5, ибо оно продолжается не три и не четыре, а двадцать часов. Висят на подножках, на тормозах, набито на площадках. Все это в связи с новейшим декретом о провозе 1 ½ пудов³: прут за хлебом.

Я стоял на площадке II кл<асса>; часть ночи сидел на чемодане своем. Поезд плетется, как приморский. В час ночи у Каширы, подъем (Горская). И как на Приморской — паровоз нейдет. В вагонах — абсолютная тьма. Дождь. Стоим час, два, три. Через три часа — отцепляем паровоз встречного товарного поезда, к<оторы>й помогает взобраться на горку. Плетемся. К рассвету в нашем вагоне от прелестей путешествия помирает человек. Всех выгоняют из вагона и переселяют в свиной вагон — еще со следами пребывания свиней. Часов в 12 дня — опять подъем, и опять стоим два часа до встречного паровоза. В Лебедянь попал только в 8 вечера. За 24 часа — выпил только стакан чаю (нашелся благодетель с чайник<ом>), съел оставшиеся у меня 1 ½ хлеба изделия Алекс<андры> Ив<ановны> и все каковые таблетки. Вероятно, никогда в жизни не был еще так измучен. Если бы мог знать — не рискнул бы ехать.

Невзирая ни на какие декреты, лебедянские красноармейцы совершенно не дают вывозить муки. А тут можно даже достать белой. Поэтому, если можно, запасайтесь от Святловских.

Погода совершенно летняя; жарница. Совдепы, под страхом расстрела, запретили купаться (сырая вода, ведь, в реке). Яблок в саду почти нет, есть груши. Ем яйца и белый хлеб. На днях вернется сюда от матери Агра. Пишите мне и Брониславу, чтобы выправил мне новую выписку на выезд. Целую Нюню.

Евг Замят

1. 30 августа 1918 г. в Петрограде было совершено покушение на В. И. Ленина и был убит председатель Петроградской чрезвычайной комиссии Моисей Соломонович Урицкий.

2. Известия ВЦИК (1918. 3 сент.) сообщали: «Комиссариат Внутренних Дел утвердил ходатайство Тамбовского Губисполкома о воспреещении въезда в город Тамбов ввиду продовольственного и квартирного кризиса».

3. 24—25 августа 1918 г. Московский и Петроградский Советы рабочих и крестьянских депутатов приняли постановление о свободном ввозе полутора пудов продовольственных товаров населением в Москву и Петроград.

9—10 сентября 1918 г. Лебедянь

9—IX—1918. Лебедянь.

Очень прозрачные, прохладные дни. Железные, черные ночи с несчетными звездами. В доме — запах яблок (корзинка с яблоками — под моим письменным столом; решето, полное китайских яблочек — на рояли). Перед открытым балконом — липы, улица — зеленая.

И все-таки по зеленой улице совдепы скачут. Идут аресты заложников. Издан декрет об учете и обязат<ельном> обучении мужеска пола от 18 до 40¹...

В Лебедянь наехало кормиться много пришедшего люда. И потому идет бесцеремоннейшее уплотнение — хотя тут вселяют вовсе не рабочих, а просто приехавших на кормление буржуев.

И у матери в доме одна комната занята квартирантами. Это более или менее мешает мне существовать, т. к. моя комната (лучшая) — рядом с квартирантской. Хоть и тихие, а иной раз будят утром или спугнут настроение работать.

С пятницы стал себя засаживать за стол: беда, никак не пишется². Еле написал за два дня маленький рассказ в 100 строк («Надежное место»³), пустяковый. «Пирог»⁴ никак не выпекается: боюсь — так и останется с сырьем.

Вчера приходил тот самый дядя, к<оторо>го Вы видели в Питере — Лебедянский? Просят прочесть как<ую>-н<и>б<удь> публичную лекцию — или лекции — в Нар<одном> Университете. Я согласился прочесть пару лекций о современной Англии. Так что на днях будут расклеены по Лебедяни соответствующие громокипящие афиши.

Товарищи-коммунисты в Лебедяни здорово орудуют. На днях (с неделю) позакрыли все до одного магазины — всех сортов, не только съестные; оказывается, национализируют всю торговлю, опережая своей предприимчивостью Москву далеко. Пока, поэтому, с неделю ничего нельзя купить: мяса, спичек, соли. Говорят, скоро магазины откроются; сейчас идет учет. Поживем — увидим.

Мясо и прочее съестное здесь с успехом достается по знакомству.

Пропитываюсь — в изобилии. Ем 3 яйца утром (давняя мечта!), белые пышки на сметане (как охотно угостил бы ими Вас). К обеду — полубелый хлеб (помните, нам такой присылали в Питер?); на черный хлеб — и не смотрю. Кажется, ем слишком много; в результате кишочки подчас шалят. Первые дни спал очень хорошо — по 9

часов; вчера и сегодня — плохо, м^{<о>}жет б^{<ы>}ть потому, что много курю, подстегивая себя на работу.

Сегодня была Агра. Она в дороге простудилась, пролежала две недели, очень похудела. Обещалась вернуться к воскресенью 15-го, чтобы остаться здесь. С нею в дороге было тоже приключений не мало. Все вещи довезла.

Декрет о 1 ½ пудах продовольствия в силе до 1 окт^{<я>}бря⁵ только. Попытаюсь до тех пор отправить в Питер запасов.

10.IX.

Сегодня выспал себя, хоть и с трудом. Иду на почту. Попросите Нюничку поцеловать Вас и сами — ее поцелуйте.

1. 29 июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров постановил считать военнообязанными всех граждан РСФСР, годных к военной службе, в возрасте от 18 до 40 лет.

2. 11 сентября Замятин писал В. П. Полонскому: «Отдохнуть не удается — и писать тоже. Страдаю двумя отвратительными болезнями: бессонницей и бесписицей, этакое, знаете, состояньице, когда ни одного слова с пера не слезает» (РГАЛИ. Ф. 1328 (В. П. Полонский), оп. 1, № 147. Л. 2).

3. Рассказ «Надежное место» был опубликован в журнале «Жизнь искусства» (1924. № 1. 1 янв.) под названием «В Задонск на богомолье». Сохранился первый вариант рассказа, имевший заглавие «Вдова Полипанова» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 1, № 57).

4. Первоначальное название рассказа «Сподручница грешных».

5. Совет Народных Комиссаров РСФСР «в целях пресечения спекуляции, восстановления твердых цен и правильной организации снабжения населения хлебом исключительно через советские продовольственные органы» с 1 октября отменил действия постановлений Московского и Петроградского Советов о ввозе продовольствия в эти города. Были созданы заградительные отряды для пресечения «незаконного» провоза муки и других продовольственных продуктов (Собр. узаконений и распоряжений рабочего и крестьян. правительства 1918. № 71. 2 окт. Отд. 1. Стб. 775).

№ 193

24 сентября 1918 г. Лебедянь

24 IX—1918. Лебедянь.

Нынче или завтра Агра выезжает с 1 ½ пудами муки и пшена в Питер. Ум у меня совсем раскорячился, не знаю, где быть придется зимой — тут, в Лебедяни, или в Питере. Плохо, в конце концов, и

тут, и там. Тут в доме тесновато, и не по нутру мне вся здешняя жизнь. А в Питере — будет голодно и, может быть, холодно, и еще миллион вещей. Но на всякий случай решил муку послать: не нужна будет — продадим.

Хочется посоветоваться с Вами, Вы у меня, Милуша, разумная. А как посоветоваться: я Вам послал три письма — от Вас получил только одно.

Вот что я делаю: я посылаю Вам телеграмму о выезде Агры. Может быть, Вы приедете в Питер, а оттуда (я не знаю, когда вообще переселяется вся Березайка¹ в Питер) — в Лебедянь? Ведь, помнится, Вы около 1-го окт<ября> уже собирались в Питер, а я бы еще посидел здесь недели 2—3, пока хорошая погода. Что Вам одной делать в Питере? После 1-го или около 1-го, думаю, мешочническая волна кончится (действие декрета до 1-го), ехать будет не так скверно, как мне. А приедете — я буду рад Вам, как радовались Жук и Мушка всякому Вашему выходу из Березайского дома, и так же буду прыгать около Вас. Агра будет здесь. Вам прежней мучительной возни со мною не будет. Вы — после Березайского черного — покормитесь здесь белым хлебом и, если хотите, начнете работать в больнице^{*}). Может быть, решим организовать здесь и зиму, а, может быть, вместе поедем в Питер.

Теперь вот у Вас в Питере какие дела — если, разумеется, Вы поедете в Питер.

1) Выяснить с Виттенбергом все относительно моих книг: как идет печатание, взят ли выбранный мною шрифт, какая бумага, что относительно обложки, насколько нужно мое присутствие и пр. Телеф<он> Виттенберга, Михаила Борисовича, 5-04-70 (около 3-х и после 6).

2) Хорошо повидаться с Чуковским, узнать у него относительно сборника «Петербург»².

3) Узнайте, если можно, действительно ли лиц от 18 до 45 из Питера не выпускают, т. е. если захочу поехать туда на время — грозит ли опасность застрять там совсем?

4) Узнать (м<ожет> б<ыть>, через Ку<н>кина — от Боклевского) освобождаются ли от призыва в Красную армию преп<одаватели> высших учебн<ых> заведений? И что вообще питерская публика предпринимает в этом отношении. Вопрос-то ведь серьезный.

Если бы вздумали ехать и пришлось бы быть в Москве — вот адрес Полонского: Малая Дмитровка, 3, кв. 17 (около Страстного Монастыря), или служебный: Варварка 1, дом «Деловой Двор», Управляющий делами Центротекстиля.

Я себя веду плохо. Прескверно сплю; невзирая на отличное питание — кажется, не толстею; колитически — не очень замечателен; тьму курю; мало гуляю; много сижу за письменным столом — и больше все зря.

Долго возился с «Пирогом», но все-таки привел его в такой вид, что не совестно выставить на показ³. Начало — все заново. Около недели затратил на подготовку материала для публичной лекции, которая и состоялась в воскресенье. Народу было много: собрались глазеть на чудо природы — живого человека, печатающего (говорят) книжки. По соображениям цензурного характера сюжет был переменен, и вместо «Современной Англии» — была «Современная литература»⁴. Заняло все это развлечение около двух часов. Не подзревал, что еще не отвык совсем от публичных выступлений: на эстраде чувствовал себя неприлично спокойно. Лекция шла под флагом Народного Ун<иверсите>та. С Лебедянского К<омите>та Просвещения слуплю за лекцию руб<лей> 200, минимум — полтора.

До эстрады, и после эстрады — все время живу в своей норе. Незамечательное настроение.

Ну вот, Милуша. Осмотритесь там, в Питере и на Широкой 29: есть ли в доме дрова, есть ли в городе что-нибудь, кроме воблы, и прочее. Если Вам не будет охоты тащиться в Лебедянъ и если для меня нет особого риска ехать в Питер — или нужно — сообщите: я выеду раньше. А нет — приезжайте, и отсюда куда-н<и>б<удь> вместе.

Боюсь, что яблок послать не удастся: в поезде творится ужасное (последние дни декрета) и еле-еле удастся (если удастся) сесть с мукой.

Е.

P.S. М<ожет> б<ыть> у Кункина есть разрешение на провоз 1 1/2 пудов для меня — возьмите. Он живет теперь Гатчинская 7, кв. 8.

Хорошо бы почитать теперь к<аких>-н<и>б<удь> книжек новых, хоть «Былое»⁵.

Увидите Даманскую — крадьте у ней книг и передайте благодарность за сахарин и деньги — и за книгу ее⁶.

Посылаю ящик груш и яблок.

^{*)} Как врачу, Вам и по здешним совдепским законам, кажется, полагается особая приемная комната, т<ак> ч<то> можно будет устроиться.

1. Станция Николаевской железной дороги (Валдайский уезд).

2. Вероятно, об этом же сборнике спрашивал Замятин В. П. Полонского в письме от 11 сентября 1918 г.: «Что узнали относительно альманаха, затеваемого Чулковым, Архиповым и прочими?» (РГАЛИ. Ф. 1328, оп. 1, № 147. Л. 2).

3. 24 сентября 1918 г. Замятин писал А. М. Ремизову: «У Шишкова — есть мой рас<сказ> „Пирог“, на ½ листа, предназначенный для Киевского альманаха. Если этот Киевский разладится — девайте рассказ куда-нибудь» (Цит. по: Замятин — Ремизову. С. 179). Рассказ под названием «Сподручница грешных» был впервые опубликован в альманахе «Пересвет» (М., 1922).

4. Текст этой лекции, прочитанной 9(22) сентября в Лебедянском народном университете, опубликован в изд.: Соч. Мюнхен. Т. 4. С. 348—365.

5. «Былое» — журнал, посвященный истории русского революционного движения. Выходил в 1900—1904, 1906—1907, 1917—1926 гг.

6. Даманская Августа Филипповна (1875—1959) — писательница, близкий друг Л. Н. и Е. И. Замятиных. В 1918 г. петроградское издательство «Жизнь и знание» выпустило две ее книги: «Где-то там» и «Стеклянная стена».

№ 194

19 октября 1918 г. Лебедянь

6/19—X—1918. Лебедянь.

Так жалко мне, что Вы не приехали в Лебедянь. Эти две недели тут было удивительно. Синее небо — без единого облачка, тишина — стеклянная, жарко. По утрам — часа полтора—два работал («Север»¹) в саду, пока не начинало уж очень припекать. После обеда брал подушку и с книгой уходил лежать где-нибудь на лавочке в саду. И все это — без пальто, в одном моем голубом golf-jacket*, — это в октябре-то!

Ну, а сегодня лето кончилось. Еще тихо, но уже прохладно, небо серое.

А я как раз вчера кончил переделку «Севера» и рассчитывал несколько дней погулять, поболтаться на солнце.

* куртка для игры в гольф (англ.).

«Север» — потолстел, появилось несколько новых действующих лиц. Впрочем, два раза переписать — мне, конечно, мало: в Питере — еще раз надо.

От хронического недосыпания (высыпался только первые два — три дня по приезде; за остальное время — кажется, только раз выпал восемь часов, а то все 6—7) — работалось очень трудно и медленно. Авось в Питере раз, другой лягу часа в два — и отвыкну просыпаться в 6 часов (такое у меня правило).

Ехать будет трудно. Провезти, может быть, ничего не удастся, или очень мало: на неск<ольких> промежуточных станциях от Лебедяни до Москвы — нещадно и не считаясь ни с какими декрета-

В Государственный Контроль
при Народном Комиссариате по Просвещению.

В виду того, что содержание за март месяц с.г. части лиц, работавших в Издательстве Союза Деятелей Художественной Литературы и части членов Редакционной Коллегии уже выплачено, нижеподписавшиеся просят уплатить за март месяц всем остальным Членам Редакционной Коллегии.

А. А. Блок.
Н. С. Гумилев
Е. И. Замятина.
К. Чуковский
Д. С. Мережковский

23/3/19

Подписи-автографы А. А. Блока, Н. С. Гумилева,
Е. И. Замятина, К. Чуковского, Д. С. Мережковского на заявлении
в Государственный контроль при Наркомпросе. 1919 г.

ми — отбирают. Максимум на что можно рассчитывать: полпуда, из них фунтов десять печеного хлеба. Вот жалко нет Вас и Агры: втроем протащили бы уже 1 ½ пуда. Никакие охранные и разрешительные грамоты не помогают.

А еще жалко — не поедите Вы яблоч. Тут яблоки так валяются, почти не едят их. Всякий раз иду в амбар: пахнет антоновкой, коричневым деревом — и Вас вспоминаю: вот бы — припустить, как захрустели бы яблоки.

Жалко, что не приехала: стала бы здесь, конечно, еще красивее. И Дадок, бедный, может быть, немного подрос бы тут.

Скажите ему: скоро приеду. Выеду в среду, четверг — что-нибудь в этом роде. В Москве — м<ожет> б<ыть>, остановлюсь на сутки² (если поеду с Пришвиным вместе — он, ведь, тут рядом, в Ельце³), а может быть — и прямо.

Евг З

1. См. подробнее наст. изд., коммент. к публикации повести «Север».

2. Замятин решил задержаться в Москве. На следующий день он писал В. Полонскому: «Где Вы, Вячеслав Павлович? На Варварке — или на островах Таити? <...> В конце недели, может быть уже буду в Москве проездом. Дайте свой адрес, хочу повидать<ся> с Вами» (РГАЛИ. Ф. 1328, оп. 1, № 147. Л. 1).

3. Писатель Михаил Михайлович Пришвин (1873—1954) жил у родных в с. Хрущево Орловской губернии, неподалеку от Ельца.

№ 195

Лето 1920.¹ Петроград

Милые Милуса и Миса².

Очень жаль, что до завтрашнего вечера Вас не увижу. Но что поделаешь — назвался груздем. А жарница-то какая! В городе так скверно и так завидно, что вы там дачники...

Завтра в 11 уже д<олжен> быть в театре: продолжается читка³. С шестичасовым — выеду. Обедаю на веранде в Ермоловке⁴. Б<ыть> м<ожет>, Агриппине П<авловне>⁵ совсем не приезжать завтра? Чай кой-как сделаю себе.

Очень устал позавчера и особенно вчера, так что вечерами не мог даже никуда пойти; м<ожет> б<ыть>, только сегодня соберусь к Шишкову.

Запросил за «Лира» 50 000 (Усова: «Дуррак!»). А вот и не дурак — потому что я вру: я загнул не 50 000, а ... двести пятьдесят — за одно-

го «Лира». Каково? Меньше двухсот не возьму; боюсь, что согласятся и на двести пятьдесят. За «Шейлока»⁶ — поменьше, особо.

В Горохре⁷ не берут простой карточки. Не знаю, что сделать, посоветуйте. В институте м^{ожно} сдать простую, но нужно дать подписку, что я нигде не получаю красноарм^{ейского} пайка; тогда в Горохр — переучетную.

Завтра с шестичасовым едет Шапошников⁸ — передайте это (влюбленной в него) Липе⁹, Шапошников привезет сп^{ирт}. Едет, кажется, Ремизов.

Посылаю 2 письма Вам. Звонила Вам Гегелло¹⁰.

Е.

1. Датируется по содержанию.

2. Миса или Миша — кукла, плюшевый мишка. См. примеч. 3 к п. 196.

3. Летом 1920 г. Замятин и А. А. Блок редактировали перевод А. В. Дружинина трагедии В. Шекспира «Король Лир» для готовящейся постановки в Большом драматическом театре. Премьера — 21 сентября 1920 г. (см. записи А. А. Блока от 4 и 27 мая, 27 июля, 3, 4, 6, 10, 12, 17 и 20 августа, 10, 14, 17 и 21 сентября // Блок А. Записные книжки, 1901—1920. М., 1965. С. 492—493, 497—499, 501—502). В примечаниях к ним В. Н. Орлов указывал: «Сохранился машинописный экземпляр „Короля Лира“ в переводе А. В. Дружинина, испещренный поправками Е. Замятина и Блока (собрание В. Н. Орлова)» (Там же. С. 598). Местонахождение этого экземпляра в настоящее время составителям неизвестно.

4. Речь идет о даче Литературного фонда, которую на летний сезон Замятин получил в качестве сотрудника издательства «Всемирная литература». Н. А. Тихонова, дочь издательского работника А. Н. Тихонова, вспоминала: «Сотрудники „Всемирной литературы“ и „Дома Искусств“ получили на лето 1920 года целый дачный поселок — Ермоловку по Сестрорецкой железной дороге. Дач было много, всем хватало, но все они были разграблены, и в них оставались только стены, подчас нарядные. Соседями нашими были Шаляпины, Чуковские, Анненковы, Замятины, Гржебины, Познеры, Ремизовы и многие другие» (Тихонова Н. А. Девушка в синем. М., 1992. С. 36). По воспоминаниям Н. Чуковского, Замятины здесь же провели лето 1918 г. (см.: Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 63—64).

5. См. примеч. 1 к п. 120.

6. Второе название пьесы В. Шекспира «Венецианский купец». Над текстом перевода для постановки в Большом драматическом театре, вероятно, работали Блок и Замятин (см. Записи Блока от 10 июня, 23 и 27 ноября // Блок А. Записные книжки... С. 494, 508; см. также письмо Замятина к

А. Н. Бенуа от 9(22) августа 1920 г. // *Темы и вариации*. Р. 359—362). Премьера спектакля состоялась 27 ноября 1920 г.

7. Городской отдел охраны памятников искусства.

8. Шапошников Николай Александрович — ассистент Петроградского политехнического института, поэт. О нем см. коммент. А. М. Грачевой к Дневнику А. М. Ремизова за 1917—1921 гг. (Минувшее: Ист. альм. М., 1991. Т. 16. С. 538).

9. Вероятно, Гальперина-Гринштейн Олимпиада Борисовна, сестра Е. Б. Анненковой, жены художника Ю. П. Анненкова.

10. Можно предположить, что имеется в виду Серафима Павловна (урожд. Довгелло, 1876—1943) — палеограф, жена Алексея Михайловича Ремизова, которая была знакома с Замятиными.

№ 196

13 мая 1921 г. Дно

Дно. 30 апр. 1921. 4 часа н<очи>

Путешествую. Что же было бы за путешествие без приключений? Первое — с Петербурга: никакого спального вагона не оказалось, и мы просидели с Добужинским¹ (и прочими международными пассажирами) в вагон-ресторане за столиком (пустым) до 3 ч<а-сов>. — Дно. Ночь дов<ольно> теплая. Я вытащил пальто. Сидим около вокзала на скамейке. Воздух — соколовский². Поужинали (какая телятина! какие котлеты!). Собираемся пить чай — тут же, на воздухе. Завтра утром — к куму. Пришел петерб<ургский> поезд: с ним посылаю письма.

Поклон Вам, Р<остиславу>, М<ише>³, А<графене> П<авловне>.

Е 3.

1. Добужинский Мстислав Валерьянович (1875—1957) — живописец, график, театральный художник. Он и члены его семьи — жена Елизавета Осиповна (урожд. Волькенштейн, 1875—1965), сыновья — Ростислав (Стива) и Всеволод (Додя) — были дружны с Л. Н. и Е. И. Замятиными.

2. Вероятно, Замятин вспоминает воздух в селе Соколово Тамбовской губернии, Кирсановского уезда на реке Ирке, где он бывал вместе с Людмилой Николаевной.

3. Речь идет о куклах (Ростиславе или Растопырке и плюшевом Мишке). Подробнее о них рассказала Ирина Николаевна Пунина в письме к научному сотруднику Отдела рукописей РНБ Н. И. Крайневой от 5 июля 1990 г.: «У Замятиных, когда они еще жили в Ленинграде, было две куклы: Ростик — мальчик в брюках и курточке и Мишка. Они жили в шкафу на

одной из верхних полок. Когда Анна Андреевна <Ахматова — М. Л.> навещала их <Замятиных — М. Л.> перед их отъездом за границу, она часто брала меня с собой. В то время как взрослые разговаривали в дальней комнате — мне обычно Л<юдмила> Н<иколаевна> доставала эти куклы, и я играла с ними. Однажды я тихо спросила: „Почему у вас нет настоящих детей?“. Этот вопрос возник после того, как Л<юдмила> Н<иколаевна> мне подробно рассказывала, как она гуляет с ними, кормит, укладывает спать. Мне показалось, что так можно заниматься только с настоящими ребятами. Л<юдмила> Н<иколаевна> ответила: „Сейчас нам нельзя иметь настоящих детей“» (ОР РНБ. Ф. 1073). Куклы Ростислав и плюшевый Мишка стали для друзей семьи Замятиных ее полноправными членами. Им посылают приветы, дарят книги и фотографии (см. Каталог. № 54, 74, 76, 83). Художник Ю. Анненков, рисуя в 1921 г. портрет Замятина, изобразил справа от него Ростислава с поднятой рукой (см. Анненков. С. 245). Позднее качества, которыми наделили кукол, Замятин иногда приписывал себе и своим друзьям. Л. Н. Лунца — члена содружества «Серапионовы братья» Замятин сравнивал со своим «чудесным плюшевым Мишкой» (Соч.-Мюнхен. Т. 4. С. 532). Далее в письмах Замятин называет Ростиславом актера М. А. Чехова (см. п. 222 и 253); от имени «Ростислав» Замятин образует новое слово — глагол «оростиславеть», означающий «потерять волю, поддаться течению жизни».

№ 197

18 мая 1921 г. Холомки

Среда. 18—V, 1921. Холомки¹

Есть okazия отправить письмо. Пишу его, глядя из окна на осколочек Шелони, лес и поля, а под окном — пастух играет на жалейке. Очень хорошо. Погода все время чудесная; позавчера была гроза. Пухнут мои записные книжки. Масса материала. Пробыл бы здесь дольше, да дела в Питере, 23-го — вечер в Доме Искусств².

Вероятно, вернусь через Псков в понедельник 23-го или в среду^{3*}. Поклон Расте и Мише.

Евг З.

*) Поезда ходят через день.

1. В «Холомках», имении князей Гагариных (Псковская губерния, в 25 верстах от г. Порхова) и в соседнем имении Новосильцовых «Бельское устье» была организована под эгидой «Дома Искусств» колония для петроградских писателей и художников. О событиях, происходивших там летом

1921 г., см.: Анненков. С. 248—251; Милашевский В. А. Вчера. Позавчера... 2-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 227—237; Чуковский. С. 159—160, 175—181; Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. С. 93—99. Сохранился альбом дочери князя А. Г. Гагарина Софьи Андреевны Гагариной с рисунками Н. Э. Радлова и С. А. Гагариной — на них изображены обитатели «Холомков», в том числе Е. Замятин. Альбом хранится в семейном архиве А. П. и Т. В. Гагариных (Петербург).

2. На 23 мая в «Доме Искусств» был назначен вечер с участием Е. И. Замятина, Н. Н. Никитина, Л. Н. Лунца, М. М. Зощенко. Замятин на вечере не был. «Замятин в деревне — не приехал», — записал К. И. Чуковский 24 мая в своем дневнике (Чуковский. С. 170).

3. Слово «среду» вписано Замятиным позднее вместо зачеркнутого «вторник».

№ 198

12 июня 1921 г. Москва

Воскресенье 12—VI—1921.

Открытку с адресом куда-то заложил — беру у Зивы¹. Ночь прожили в купе вчетвером. К сожалению, моя спутница и девица напротив прострекотали часов до 3-х. Заснул поздно, но все-таки спал часов 5—4 и чувствую себя вполне прилично. От сиденья в вагоне и лежки — безо всякой суеты — уже отдохнул как-то. День прохладный, ехать хорошо (пишу в вагоне — за $\frac{1}{4}$ часа до Москвы).

Зив берет извозчика и едет к себе на Маросейку. Кажется, я использую ее изв<озчика>, заброшу к ней вещи и оттуда буду звонить Ашукину², Крылову³. А, м<ожет> б<ыть>, и ночью на Маросейке с комфортом: все будут на даче, включая болтушку Зив. Не скучайте. И пусть мальчишки не скучают.

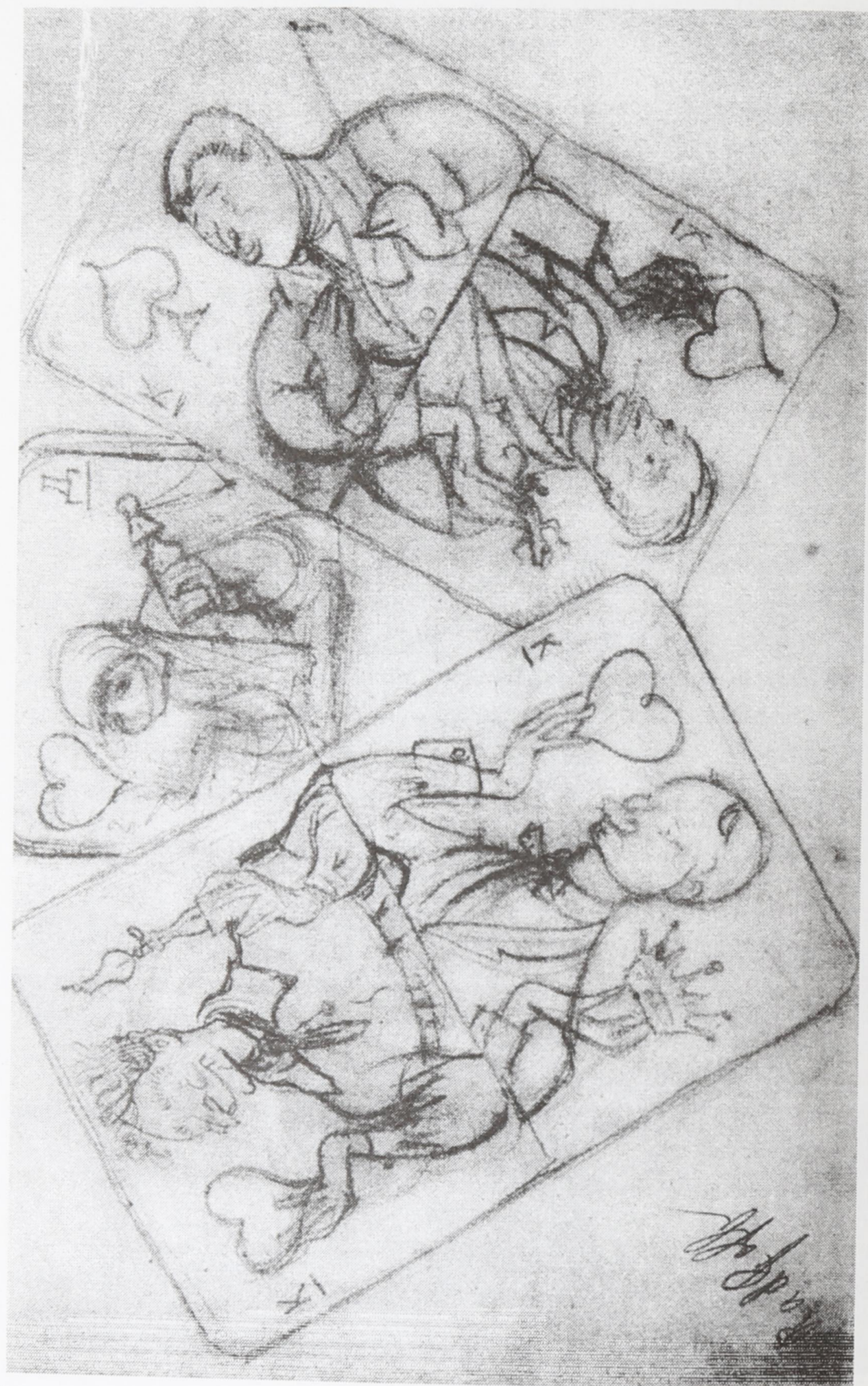
Е 3

Сегодня ночью на Маросейке. Иду обедать к Ашукину⁴. Завтра, вероятно, переберусь к Крылову, созвонился с ним.

1. Письмо Замятина — на именной открытке технической конторы М. В. Зива. Максим Васильевич Зив — инженер, бывший владелец Торгового дома пишущих машин в Петрограде и Москве. Его дочь Ольга Максимовна Зив (1904—1963) — писательница, член «Цеха поэтов», занималась в семинаре Н. С. Гумилева вместе с К. И. Чуковским и В. С. Познером, позднее работала репортером газеты «Комсомольская правда».

Е. И. Замятин в Холомках. Худож. Н. Э. Радлов. 1921 г.

Е. И. Замятин в Холомках. Худож. Н. Э. Радлов. 1921 г.

2. Ашукин Николай Сергеевич (1890—1972) — литературовед, поэт, библиограф.

3. Б. В. Крылов. См. примеч. 7 к п. 1.

4. О приезде Замятина в Москву Ашукину сообщил Борис Андреевич Пильняк в своем письме от 22 мая 1921 г.: «Замятину я написал еще неделю назад, — про тебя, про все... Он тебя упредит телеграммой. Я думаю он приедет в воскресенье 5 июня...» (Цит. по: Пильняк — Замятину. С. 123).

№ 199¹

17 июня 1921 г. Москва

Пятница 17—VI—1921. Москва

Милая Мила Николаевна. Отправил Вам одну открытку, в день приезда, другую — в среду — с оказией (не надеюсь). В Лебедянь, по-видим<ому>, не удастся проехать: в справ<очном> сказали, что с 6 мая движ<ения> от Аст<апово> до Ельца нет. Сегодня один человек навел справки на вокзале: тот же ответ. Завтра еду, д<олжно> б<ыть>, к Пильняку² (он уехал домой позавчера) — до вторника или среды. М<ожет> б<ыть>, по возвращении выяснится что-н<и>-б<удь> еще новое отн<осительно> Леб<едяни>. Если нет — в воскресенье или понед<ельник> вернусь. В понед<ельник> 13-го читал в Союзе Пис<ателей> («Ловца»³). Старики — ругались очень, молодые — хвалили. Читал во вторн<ик>, ради денег (35 т<ысяч>), в Союзе Поэтов⁴ 2—3 сказки. В пятницу на след<ующей> нед<еле> читаю в Доме Печати⁵; и на след<ующей> же неделе — у имажинистов⁶ (50 т<ысяч>). Вчера был у Зиновия⁷; денег еще нет; может будут в конце след<ующей> нед<ели>. Видел Тихонова⁸. Сегодня иду на засед<ание> Союза Пис<ателей>.

Пятница 17—VI—1921. Москва

Живу не у Бориса, а у Ив<ана> Касаткина⁹ — есть такой писатель (очень славный, похож — на Засупоню Смирнова¹⁰). Это — в центре (Шеремет<ьевский> пер<еулок>, 5-й Дом Советов, кв. 78), но приходится жить нелепо: ложусь в 3—4, недосыпаю хронически. Питаюсь не замечательно.

В одном дворе со мной, оказалось, живет Липочка. Иду позавчера — глядь, она. Отощала. Сводила меня в «Летучую мышь»¹¹.

Сегодня (сейчас) звоню Крылову и иду к нему (заходил к нему ненадолго в воскресенье), и на обр<атном> пути к Вепринцеву¹². Узнал, что есть бесперес<адочное> сообщение из Москвы на Челябину через Самару — Уфу.

В общем — устал, и рад буду вернуться в Питер, засесть за работу. Не скучайте. И скажите, чтобы Миша и Ростя не скучали.

ЕЗ

1. Письмо на двух открытках.

2. Борис Андреевич Пильняк (Boгау, 1894—1938) — писатель, до 1924 г. жил в Коломне. Замятин познакомился с Пильняком весной 1921 г., когда тот приехал в Петроград. Знакомство переросло в многолетнюю дружбу. Сохранились 16 писем Замятина к Пильняку (1921—1930-е гг.; ИМЛИ). Они опубликованы сыном Б.Пильняка Борисом Борисовичем Андроникашвили-Пильняком в 1994 г. (см.: Знамя. 1994. № 9. С. 123—153).

3. Рассказ Замятина «Ловец человеков», опубликован в журнале «Дом Искусств» (1921. № 2).

4. Всероссийский союз поэтов — профессиональное творческое объединение поэтов разных литературных школ, групп, направлений; возник в 1918 г. В первые годы существования его деятельность в основном сводилась к организации вечеров поэзии, литературных судов, лекций и диспутов. Союз поэтов с осени 1919 г. занимал помещение бывшего кафе «Домино» (Тверская ул., 18). Здесь было открыто Кафе поэтов и находилась комната Президиума Союза поэтов.

5. Дом Печати находился по адресу: Никитский бульвар, Арбат, 8.

6. Вероятно, в кафе «Стойло Пегаса» (Тверская ул., 37), где собирались имажинисты. Об атмосфере, царившей здесь, см.: С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 384.

7. Гржебин Зиновий Исаевич (1869—1929) — художник, издатель. Некоторое время Гржебин заведовал издательской частью «Всемирной литературы», в 1919 г. основал свою фирму «Издательство З. И. Гржебина», с отделениями в Петербурге, Москве и Берлине. Здесь, вероятно, речь идет о гонораре за сборник «Островитяне» (выпущен издательством З. И. Гржебина в Петрограде в 1922 г.) или за повесть «Север», опубликованную в «Петербургском альманахе» (Пб., 1922).

8. Тихонов Александр Николаевич (Серебров, 1880—1956) — писатель, издательский работник, в 1918—1924 гг. заведовал издательством «Всемирная литература».

9. Касаткин Иван Михайлович (1880—1938) — писатель.

10. Смирнов Александр Александрович (1883—1962) — литературовед, переводчик, в это время был экспертом по западноевропейской литературе Средневековья и Возрождения в редколлегии издательства «Всемирная литература». Замятин ласково называет его засупоней. Засупоня — народное слово, от «супонь» (упряжь) — растяпа, не умеющий обращаться с упряжью.

11. Московский театр-кабаре «Летучая мышь» Н. Ф. Балиева (1908—?) располагался в Большом Гнезниковском пер., 10. В 1920 г. руководитель театра Н. Ф. Балиев и значительная часть труппы уехали за границу.

12. Вероятно, Вепринцев Сергей Николаевич — издательский работник, позднее был редактором газеты «Новая Шанхайская заря», в 1926 г. создавал Китайско-русское общество культурных связей.

№ 200

20 июня 1921 г. Коломна

Коломна. Никола-на-Посадях. 20—VI—1921.

Вот мои дальнейшие приключения. В субботу выехал из Москвы в Коломну. На Рязанском вокзале — очередь через весь вокзал и на улице. Уехать, конечно не удалось бы, если бы не подвернулась какая-то баба: «Не надо ли билетик в Коломну?» Купил за четыре булочки из сделанных Вами. Ехал часа 3 ½—4 в теплушке, в полов<и-не> двенадцатого был в Коломне. На вокзале — Пильняк.

Домишко его — деревянный флигелек о 4-х комнатах, безалаберный. Вы бы на другой день умерли здесь от беспорядка, от того, что самовар и хлебные крошки до трех часов на столе, и от того, что книги — где попало — на сундуках, на столах, на полках.

Жена — молчаливая, веснушчатая¹, беременная врачиха², с утра — в больнице. Прислуга — Лиза, и у Лизы — прическа гораздо лучше, чем у хозяйки.

Но зато Коломна — чудесная: кремль, башни, монастыри, соборы, церкви, Москва-река, Ока. Самый Никола Пильняковский (домик к<оторы>й Пильняк снимает — в церковной ограде) — прелестный. К сожалению, у этого Николы — очень зычный голосина, и вот, напр<имер>, сегодня, на Духов День, он заорал в 9 утра, а легли — в полттретьего (тут по солнцу живут).

Вчера с утра бродили по Коломне, заходили в церкви, слазили на две колокольни и на Кремлевскую стену. Пообедали (кислые щи с куском гуся и каша с молоком); хотел лечь спать после обеда — Пильняк не дал. В 5 ч<асов> пошли в гости за 7 верст — к инженерам цементного завода; вернулись в полвторого. Не высыпаюсь хронически. Сегодня постараюсь лечь рано.

На нынешний день — планы такие. Сейчас — начало первого. В час пойдем на Съезд Советов. Это любопытно. В 3 — обед (вчера приятель принес Пильняку в подарок рыбину — будет рыба). Потом — спать. Потом кой-куда прогуляемся. Вечером — почитываем друг дружку: я — Пильняка, Пильняк — меня. Завтра — не знаю

что. Послезавтра — вероятно, в Москву. Отсюда ходит какой-то автомобиль в Москву: Пильняк хочет устроиться так, чтобы нам ехать на авто. Это было бы самое приятное.

В среду в Москве будет Горький³. Мне еще нужно кончить с ним и Гржебиным кое-что, зайти к Вепринцеву, попытаться устроить Ваше путешествие.

В пятницу, как уже писал в открытках, читаю в Доме Печати; в четверг или субботу — у имажинистов.

Относит^{ельно} своего путешествия в Лебедянь — пребываю в неизвестности. Целый ряд сведений, что проехать туда нельзя; а с другой стороны — Липочка уверяет, что одна ее знакомая девица уехала в Елец. Не знаю. Думаю — едва ли удастся.

Очень изводит — недосыпание. За последний месяц — я, кажется, всего только раза 2 спал по 8—9 часов. Голова — совсем садовая, впечатления воспринимаются плохо.

Заварил дело с пьесой⁴: делаю попытку устроить ее к Незлобину⁵. Человек, к^{оторы}й передаст ее туда (Юрий Соболев⁶), боится, что пьеса окажется нецензурной. Не знаю. Увидим.

Ну вот и все. Если не выйдет путешествие в Лебедянь — в начале след^{ующей} недели буду в Питере, хотя Пильняк усиленно зовет опять вернуться в Коломну.

Жму руку Р^{остиславу} и М^{ише}.

В пятницу был на засед^{ании} Правл^{ения} Союза Пис^{ателей}. Познакомился с Айхенвальдом⁷. Он очень хвалил «Ловца человек^{ов}». Похож на Ремизова.

Е.⁸

1. Так у Замятина.

2. Соколова Мария Алексеевна — врач, первая жена писателя Б. А. Пильняка.

3. А. М. Горький в 1919—1922 гг. входил в редакционный совет Издательства З. И. Гржебина.

4. Речь идет о пьесе Замятина «Огни св. Доминика» (1920). Она была написана для Секции исторических картин при издательстве «Всемирная литература», но поставлена не была (см. подробнее: *Автобиография*—31. С. 13).

5. Театр Незлобина был создан в Москве в 1909 г. антрепренером, режиссером и актером Константином Николаевичем Незлобиным (1857—1930). В 1917 г. был преобразован в товарищество актеров. В декабре 1921 г. передан в ведение управления государственными академическими театрами. В 1922 г. соединился с театром РСФСР 1-м и стал называться «Театр Актера».

6. Соболев Юрий Васильевич (1887—1940) — театровед, критик, историк литературы.

7. Айхенвальд Юлий Исаевич (1872—1928) — критик, литературовед, в 1922 г. был выслан из Советской России.

8. На обороте первого листа Б. Пильняк сделал приписку: «Шлю нижайший поклон. Пишу на приступке, на улице, у почтового ящика. Целую ручку. Бор. Пильняк».

№ 201

25 июня 1921 г. Москва

Суббота, 25—VI—1921. Москва

В четверг вернулся от Пильняка — на автомобиле; встать пришлось в 5 утра. Лег — в 2 (все Пильняк меня разговаривал). Поселился теперь у Бориса. Прокорм ничего, но не высыпаюсь хронически: Б<орис> ложится в 2, в 3 — встает в 9—9 1/2.— Вчера читал — в Доме Печати. Читал «Ловца» и «Пещеру»¹. Сверх всякого ожидания прошло с успехом: тут обыкновенно ругают нещадно. После чтения выступало 4 человек, 5-ый Полонский. Из них ругалась за «Пещеру» только одна ком<мунист>ка, остальные — хвалили. Ком<мунист>ку я выбрил недурно в заключ<ительном> слове, ибо был в ударе. Заплатили 50. В понед<ельник> читаю у имажинистов: неврeдны будут лишние полсотни.— В Доме П<ечати> был Вепр<инцев>. Долго с ним беседовал после; от него оконч<ательно> узнаю отн<осительно> Лебедяни сегодня или завтра. Моя справка (справлялся сам на Пав<елецком> вокз<але>) пока неутешительна: путь м<ежду> Аст<апово> и Ельц<ом> разрушен, и где-то там — Антонов². В Доме же Печати встретил Надежду Львовну³ (помните такую?); м<ожет> б<ыть>, через нее удастся сделать удобное путеш<ествие> для Вас в Златоуст. Во вторн<ик> утром идем к Лунач<арскому>⁴ насчет газеты⁵.

Если не поеду в Леб<едянь> — во вторник выеду.

Получил 2 Ваши письма: в Коломну и через Добуж<инского>⁶.

Е

1. Рассказ «Пещера» был написан в 1920 г., опубликован в журнале «Записки мечтателей» (1922. № 5).

2. Антонов Александр Степанович (1888—1922) — член партии социалистов-революционеров с 1906 г., возглавил крестьянское антибольшевистское восстание в Тамбовской и Воронежской губерниях в 1920—1921 гг. Убит при аресте 24 июня 1922 г. в Борисоглебском уезде.

3. Вероятно, Надежда Львовна Гинзбург. В 1921 г. она вышла замуж за Самуила Мироновича Алянского.

4. Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — государственный деятель, писатель, критик, в 1917—1929 гг. — народный комиссар просвещения.

5. В 1921 г. Замятин вместе с А. Н. Тихоновым, А. Л. Волынским и К. И. Чуковским вошел в Редакционный совет основанной Всероссийским союзом писателей «Литературной газеты» (подробнее см. наст. изд.: коммент. к публикации статьи «Пора»).

6. М. В. Добужинский находился в Москве, где вел переговоры о постановке пьесы А. Блока «Роза и Крест» во 2-м Театре МОНО (бывшем Незлобина).

№ 202

23 сентября 1921 г. Москва

Москва. Пятница 23—IX—1921.

Ехали в купе втроем (во всех купе так). У т-те Финкельштейн¹ (она оказалась т-те, немедля всем сообщила автобиографию) через полчаса, после того, как легли спать, случился припадок аппендицита. Спутник по купе бегал за горячей водой — бутылки и т<ак> д<алее>. Прошло, но она всю ночь не подвязывала языка, зажигала огонь — и уснуть удалось только под утро — на час — 1 ½. В Москве поселился в комн<атах> Всем<ирной> Лит<ературы> у Суткевич². Обедая вчера у Лидина³, хорошо. Сегодня выспался. Скоро двигаюсь на вокзал: записаться в очередь на плацкарту. Запишусь и, м<о>жет> б<ыть>, зайду к Борису. Удастся ли достать плацкарту — и уехать сегодня — не знаю еще. Авось. В Москве тепло.

3 ч<аса>. Уже на вокзале. Судя по справкам, удастся попасть и сегодня уехать. Напишу из Богоявленска.

Растоп<ырке>⁴ поручаю развлекать Вас и следить, чтобы Вы ели яйца, свинину и не простужались.

ЕЗ

1. Финкельштейн (Синайская-Финкельштейн) Варвара Дмитриевна (1872—1940-е гг.) — педагог, писательница.

2. Вероятно, Мария Генриховна Суткевич — секретарь московского отделения издательства «Всемирная литература» (1918—1924).

3. Лидин Владимир Германович (1894—1979) — писатель.

4. См. примеч. 3 к п. 196.

24 сентября 1921 г. Раненбург¹

Суббота 24—IX—1921. Раненбург 6 часов

Плацкарту от Москвы получил сидячую, и всю ночь свертывался в крендель, в узел, завязывал себя как галстук. С полчаса, может, дремал. В 10 у<тра> в Раненбурге. Грязный, вида 1918 года, вокзал. Спят на полу бабы и шинели. Мухи, нахальные, как девицы на Невском. И с бабами, шинелями, мухами — сидеть с 10 у<тра> сегодня — до 8—9 у<тра> завтра, когда пойдет поезд на Астапово и Лебедянь. Днем ничего, но со страхом думаю о ночи.

Читаю «Анж Питу»², облегчаю багаж. Обед был из 5 блюд: тресковая котлета (последняя), кусок пирога, яйцо, кружка чаю с хлебом и маслом и яблоко. Провизии хватит, есть еще пирог, яйца, хлеб. Продают кое-что около вокзала — ходил, глядел.

Вчера из Москвы послал открытку. Эту опушу в московский поезд (сейчас придет). На вокзале в Москве читал газету — и вычитал, что главой Д<альне>-В<осточной> Р<еспублики> вместо Краснощекова³, стал Николай Мих<айлович> Матвеев⁴: так и пропечатано с отчеством. Каково?

ЕЗ

1. В 1948 г. город Раненбург был переименован в Чаплыгин (Липецкая обл.).

2. «Анж Питу» — роман Александра Дюма-отца (1802—1870).

3. Краснощеков Александр Михайлович (1880—1937) — советский государственный и партийный деятель, в 1920—1921 гг. Председатель правительства и министр иностранных дел Дальневосточной республики.

4. Н. М. Матвеев — с ноября 1920 г. член правительства Дальневосточной республики, в августе 1921 — ноябре 1922 г. — Председатель правительства Дальневосточной республики. См. также примеч. 5 к п. 5.

25 сентября 1921 г. Лебедянь

Воскресенье, 25—IX—1921.

Наконец — чудеса! — я в Лебедяни. Почти не спал последние две ночи (от Москвы до Раненбурга и ночь в Раненбурге), устал, но еще держусь. Тут все очень жалко и бедно. Инда кольнуло даже, когда я видел, каким торжеством был привезенный мной сахар к чаю. Едят плохо. Продали корову — обеспечились хлебом надолго.

Есть своя картошка — и это едва ли не все. Детский сад — по-прежнему. Окна в доме покосились...

Мне провизии хватило: ел вдосталь и еще осталось — неск<олько> кусков пирога, сало (его обнаружил только в Раненбурге), пара яиц, хлеб.

Через неделю, в воскресенье, выеду — хотя это, оказывается, очень трудно (сесть в поезд). В крайнем случае, в воскресенье утром выеду в Елец, и уже там сяду, чтобы ехать прямо в Москву.

Письмо это повезет одна докторша Колпенская¹, к<отора>я сегодня едет в Москву.

Поцелуйте Зеленкову², М<ишу> и Р<остислава>.

1. Вероятно, Колпенская Ольга Николаевна (1872—?) — врач.

2. М. С. Хорошева-Зеленкова. См. примеч. 1 к п. 17. Хорошева бывала у Замятиных на собраниях группы «Серапионовы братья» (см. Соч.: Мюнхен. Т. 4. С. 533).

№ 205

26 июля 1923 г. Петергоф

Четверг 26—VII—1923. Петергоф.

Милая Мила Николаевна. Пишу Вам, сидя на балконе морозовской¹ комнаты в Петергофе. Вчера с утра в Петерб<урге> лил дождь — думал, что ехать уже не придется, потом — улыбнулось. На паром было поздно, поехал поездом 5.50.— Тут средне: народу мало, настроение уныленькое, Морозова нет, Опалова² кисла как то вино, какое мы пили у Шишковых — почти не встает с постели от живота (сегодня спектакль — везут ее на подводе, и уж как будет играть — не знаю). Морозова — жалко: пришел ко мне взять денег, говорит — два дня не ел; понедельник и вторник я кормил его у себя. Во вторник он был у меня с режиссером из Севзапкино Ивановским³.

Я все дни в городе окаянно работал, по Всемирке⁴ кое-что и свою корректуру для «Петрограда»⁵, и проредактировал уже почти половину романа Уэллса для «Мысли»⁶. По возвращении в город — получаю от Вольфсона⁷ еще 100 р<ублей> золотом — за свою статью об Уэллсе⁸.

От Тихонова было письмо в понедельник, где он сообщает о разговоре Абр<ама> Эфроса⁹ с Каменевым¹⁰ и Лидина с Воронским¹¹. Все это как будто говорит (пока), что придется ехать. Мне все равно. Здесь надоело все, тесно, нужно что-то новое.

Очень хорошо, что Вы встретились с Малышевым¹² и поехали в Нижний спокойно. Видите я, пожалуй, прав был, что Вам нужно было выехать в воскресенье. Жду известий из Нижнего.

Сегодня здесь выпался, бездельничая, читаю Конан-Дойля¹³ и «Мир приключений»¹⁴, очень лениво, спокойно и скушно.

ЕвгЗ.

1. Морозов Александр Николаевич — актер, режиссер, руководитель театральной студии в Петрограде. Летом 1923 г. актеры его студии выступали в санаториях и домах отдыха в Петергофе и Ораниенбауме, артисты снимали комнаты в Петергофе (см.: Тургенев-Цветинович В. И. Студийная молодежь 20—30-х гг.: Воспоминания, 7 нояб. 1979 г. // ОР РНБ. Ф. 1000, оп. 6, № 32. Л. 26).

2. Опалова Евгения Эммануиловна (1901—?) — актриса, в 1923 г. — жена А. Н. Морозова.

3. Ивановский Александр Викторович (1881—1968) — режиссер театра и кино, сценарист.

4. Во «Всемирной литературе» под редакцией Замятина выходили переводы произведений Г. Уэллса, Д. Лондона, Б. Шоу, Э. Синклера, Р. Роллана, О. Генри и др.

5. Вероятно, имеется в виду корректура сборника повестей и рассказов «На куличках» (Пг.; М., 1923).

6. Замятин редактировал для издательства «Мысль» «Собрание сочинений» Г. Уэллса в 12 томах.

7. Вольфсон Лев Владимирович — владелец издательства «Мысль».

8. Статья Замятина «Генеалогическое дерево Уэллса» вошла в первый том Собрания сочинений Г. Уэллса (Л., 1924. С. 7—41).

9. Эфрос Абрам Маркович (1888—1954) — поэт, искусствовед, переводчик.

10. Каменев Лев Борисович (Розенфельд, 1883—1936) — в 1918—1926 гг. председатель Московского Совета.

11. Воронский Александр Константинович (1884—1947) — литературный критик и публицист. С 1921 по 1927 гг. редактор журнала «Красная новь», вместе с Н. И. Бухариным редактировал журнал «Прожектор», возглавлял издательство «Круг».

12. Вероятно, Малышев Сергей Васильевич (1877—1933) — писатель.

13. Артур Конан Дойль (1859—1930) — английский писатель. Собрание сочинений Конан Дойля в 22 книгах на русском языке вышло в 1911 г.

14. «Мир приключений» — ежемесячный иллюстрированный сборник, выпускавшийся издательством П. П. Сойкина в Петрограде—Ленинграде в 1910—1918, 1920—1930 гг. В сборниках регулярно печатались произведения А. Конан Дойля.

31 июля 1923 г. Петроград

Вторник. СПб. 31—VII—1923

Сейчас 10 час^{<ов>} вечера, холодно, серо, осенне. Если так же и у Вас там — я не завидую. По тому, что говорил Малышев — мне казалось, что должно было быть не так плохо.

«Какая злая воля забросила меня сюда»... Думаю, что отчасти — моя злая воля. Я уехать еще не мог, а чтобы прийти в себя — теперь это я особенно чувствую — мне нужно на время остаться одному. Просто сил больше не хватало выносить Ваш измученный вид и каждую минуту вспоминать, что я — виной, и все эти разговоры. А сейчас я уже отошел немного, уравновесился. Кажется, возвращается прежнее мое состояние «окамененного нечувствия» (об избавлении от которого есть молитва в православной церкви) — состояние последних моих лет, когда жизнь только на поверхности, на один вершок глубины.

И все-таки «злая воля» моя — если она тут и была — может быть, не совсем злая и эгоистическая. Мне как-то обидно было, что Ваша жизнь уперлась в кухню, в мелочи, в Аграфену, в чистую скатерть. И мне хотелось сделать попытку чем-нибудь заполнить Вас (потому что я, кроме огорчений, ничем не способен Вас заполнить). Я еще не уверен, что эта попытка неудачна.

Обо мне — не беспокойтесь, никак. У меня — никаких новых огорчений. К заграничной этой истории¹ — я уже давно привык — как к тем своим ботинкам желтым на пуговицах: хоть и тесны, а могу пройти от Заячьего Ремиза² до Петергофа. Тихонов приехал ни с чем. Был дважды у Лунач^{<арского>}, тот дважды при нем говорил по телеф^{<ону>} с Ун^{<шлихтом>}³, было обещано навести справки — и по сию пору ничего нет. Тихонов пишет завтра письмо, чтобы напомнить Лун^{<ачарскому>}. Обещал выяснить дело и Воронский — и написать мне. Я сейчас буду писать Воронскому. Об «ангелочке»⁴ у Тих^{<онова>} впечатление — как о человеке, от которого чего-н^{<и>}-б^{<удь>} серьезного ждать трудно. Если пришлось бы ехать — ей-Богу, сейчас поехал бы охотно.

В Петергофе было скучно: какие-то сонные, больные. У Опаловой — колит, серьезный, лежит, не вставая. Я прожил там до вечера понедельника, ни разу не выкупался, было холодно — но все-таки отдохнул (почти ничего не делал). Поеду ли еще — не знаю: по газетам — какой-то антициклон, полоса дождей и холодов. — Для Крыма, кажется, надо миллиардов 20—25 на месяц (по сведениям Тих^{<о>}

нова> — только что сидел у него) — и паспорт. — Вы ничего не написали мне о результатах разговоров с Винавером⁵.

«Рассказ о самом главном»⁶ — дальше не двинулся: все занимаюсь редактурой для «Мысли», «Совр<еменного> Зап<ада>»⁷, листами «Всемирной Литер<атуры>» и т. д. Сейчас буду читать последнюю, 2-ю корр<ектуру> 2-х последних листов «На куличках».

Е.

Приехала Липочка — я еще не видел. Сегодня звонил Соколовскому⁸: он поехал встречать Мэри⁹. Юрий — в Москве.

Тих<онов> рассказал, что Новицк<ий>¹⁰ написал мне письмо. Письма я не получил — как, должно быть, и многих других.

1. Под «заграничной историей» Замятин подразумевал историю своего ареста в 1922 г. и несостоявшейся высылки из России в 1922—1923 гг. О причинах высылки см. подробнее: *Галушкин*—1. С. 12—23.

Как и многие другие деятели науки и культуры, 17 августа 1922 г. Замятин был арестован в Петрограде. Накануне, 16 августа против него было возбуждено уголовное дело по обвинению в том, что «он с момента Октябрьского переворота и по настоящее время не только не примирился с существующей в России рабоче-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в момент внешних затруднений для РСФСР свою контрреволюционную деятельность усиливая, т. е. в преступлении предусмотренном ст. 57 Уголовного Кодекса РСФСР. Как меру пресечения избрать содержание под стражей» (Здесь и далее материалы дела Е. И. Замятина цитируются по: Блеер В. Н. Письмо директору ГПБ В. Н. Зайцеву от 21 марта 1991 г. // ОР РНБ. Ф. 292 (Е. И. и Л. Н. Замятины)).

Замятину в тюрьме было выдано постановление о бессрочной высылке из России за подписью Г. Ягоды, а также виза за № 5076 от 11 октября 1922 г. (см.: *Анненков*. С. 262).

Не зная о настроениях Замятина в тюрьме, его друзья П. Е. Щеголев, Е. Б. и Ю. П. Анненковы добились отсрочки приговора (см.: Замятин Е. И. Письмо Ю. П. Анненкову [после 9 сент. 1922 г.] // РГАЛИ. Ф. 2618 (Ю. П. Анненков), оп. 1, № 30. Л. 1—2 об.). «Вследствие постановления комиссии тов. Дзержинского от 31/VIII 1922 г. высылка была отсрочена до особого распоряжения». Замятин был освобожден из-под стражи с подпиской о невыезде 9 сентября 1922 г. (Блеер В. Н. Письмо директору ГПБ...). В тот же день он узнал от Бориса Пильняка, что его высылка за границу не состоится. В конце сентября Замятин вместе с Ю. Анненковым провожал пароход с высылаемыми литераторами на Николаевской набережной в Пет-

рограде. «Сразу же после этого,— вспоминал Анненков,— Замятин подал прошение о его высылке за границу, но получил категорический отказ» (Анненков. С. 266).

Уже осенью 1922 г. Замятин осознавал невозможность нормальной жизни в России. Он писал А. К. Воронскому: «Я все же кажется поеду <...> за границу. Это и лучше: оставаться сейчас здесь при том отношении ко мне, к<оторо>е созд<алось>, при той травле по моему адресу, к<отора>я сейчас идет (и будет идти) — мне тяжело оставаться здесь. Вы это поймете. Нелегко мне будет и за границей — именно потому, что я не белый, но это уже по-другому, и, думаю, легче. Если меня будут высылать куда-нибудь внутрь России или оставят в Петербурге (пока отобрана подписка о невыезде) — буду просить Вас помочь мне выбраться за границу — на время» (Цит. по: Галушкин—1. С. 16).

На протяжении 1923 и 1924 гг. положение Замятина оставалось неопределенным. О намерении властей выслать Замятина за границу сообщила 13 февраля 1923 г. берлинская газета «Дни», об этом же свидетельствуют письма Б. А. Пильняка Замятину — от 23 января и 3 апреля 1923 г. (см.: Пильняк — Замятину. С. 129—130).

7 июня 1923 г. Замятин писал Я. Н. Блоху: «Всю зиму я прожил вокзально, на сложенных чемоданах — и скоро, по-видимому, начну их распаковывать на время. В феврале мне вручили паспорта — с просьбой выехать в недельный срок. Этого я сделать не мог — взял отсрочку до парохода. А теперь, по-видимому, расхотели расставаться со мной (хотя никакого официального уведомления о том я не имею — но похоже на то). Может быть, не захотят расстаться и позже — Бог весть; но если любовь ко мне окажется не так велика, то летом, позже, возьму паспорт и на некоторое время, приеду». (РГАЛИ. Ф. 2853 (Я. Н. Блох), оп. 1, № 13. Л. 1).

Уголовное дело в отношении Замятина было прекращено по постановлению Ленинградского Губернского Отдела ОГПУ от 8 августа 1924 г.

Материалы следственного дела Е. Замятина частично опубликованы. См.: Лахузен Т., Максимова Е., Эндрюс Э. О синтетизме, математике и прочем...: Роман «Мы» Е. И. Замятина: К 110-летию Е. И. Замятина. СПб., 1994. С. 104—109; Файман Г. «И всадили его в темницу...» // Рус. мысль. 1996. 25—31 янв. № 4110. С. 11; 1—7 февр. № 4111. С. 11.

2. Заячий Ремиз — название дома отдыха в окрестностях Петергофа.

3. Уншлихт Иосиф Станиславович (1879—1938) — в 1921—1923 гг. заместитель председателя ВЧК—ГПУ.

4. Вероятно, Замятин имеет в виду А. В. Луначарского.

5. Винавер Михаил Львович (1880—1942) — адвокат, заместитель Екатерины Павловны Пешковой по Политическому Красному Кресту.

6. «Рассказ о самом главном» был напечатан в журнале «Русский современник» (1924. № 1).

7. Замятин, А. Н. Тихонов и К. И. Чуковский вошли в состав редакционной коллегии журнала «Современный Запад» (1922—1924). Было выпущено шесть книжек журнала. Замятин и Чуковский составляли раздел «Хроника».

8. Вероятно, Соколовский Алексей Казимирович — художник, искусствовед.

9. Вспоминая о Мэри, художник и мемуарист Юрий Павлович Анненков (1889—1974) в своей книге «Дневник моих встреч», спустя несколько десятилетий, не назвал ее фамилию. Он писал: «Красавица-петербуржанка тех лет, за которой мы оба тогда одновременно ухаживали (или, как говорил Замятин, — „приударяли“»)» (Анненков. С. 258).

10. Новицкий Алексей Петрович (1862—1934) — искусствовед, представитель издательства «Всемирная литература» в Москве.

№ 207

5 августа 1923 г. Петроград

СПб. 5—VIII—1923

Милая Мила Николаевна. Ваши письма — алгебра: я никак не могу себе представить ни Вашей жизни сейчас, ни комнаты, ни людей, какие около Вас (есть же!). Как с амбулаторией? Конечно, вовсе не так страшно, как Вам казалось — уверен, что Вы — на высоте, и Вас уже начинают обожать. Кто же работает с Вами? Венгеровы¹? Много ли времени отнимает работа? И куда Вы девааете вечера?

Моя двухнедельная без Вас биография — пока проста как амёба. До понедельника вечера — был в Петергофе, со вторника — в Петербурге безвыездно, вернее — безвыездно в своей комнате. Никуда не хожу по целым дням: сижу и до обалдения накаливаю хронику для № 4 «Запада». Возни с этим оказалось масса; до сегодня проделал только $\frac{3}{4}$ работы, — м<ожет> б<ыть>, сегодня кончу. Очень мало людей (сравнительно) и у меня бывало. Однажды (в пятницу) был Разумник-Иванов, завтракал, сидел долго. Читал он мой роман², очень ему понравился. Основное его возражение, что Д-503 мыслит так же, как я, автор «Островитян»³ — слишком современно-импрессионистски и образно. Просит читать весь роман целиком в «Вольфиле»⁴, по пятницам. Вероятней всего, первый раз — в ближ<айшую> пятницу — я буду читать сам, а затем — если уеду (вероятно) — пятницы 2—3 будет читать кто-нибудь.

Другой раз был у меня и завтракал Волынский⁵. Он напрашивался в гости давно, при Вас еще, но Вы как-то не очень хотели. В вторник в «Жизни Искusstва» появится какая-то его статья где он пишет, между прочим, обо мне, о Чук^{овском} — вообще соврем^{енной} литер^{атуре}. Говорит, будто хочет писать обо мне большую статью. — Скоро выйдет книга Чук^{овского}⁷ — тоже есть там и я; любопытно, что он напишет — Браудо⁸ просил мои книги чтобы написать о них в немецкую «Die Schöne Literatur»⁹. — Разум^{ик} говорил, что один из моск^{овских} Вольфильцев, некий Браун¹⁰, пишет книгу обо мне. — Вчера в мое отсутствие звонил мне в Всем^{ирную} Илья Ник^{олаевич}¹¹; вероятно, есть уже ответ о моего переводчика в Нью-Йорке¹². Вот все новости.

Очень хочется съездить в Крым. Чувствую — устал, авось хоть солнце и море очистят заржавевшую мою машину. Скорее всего — в Коктебель; там — дешевле. Смирнов (наш, Всемирочный), вернувшийся из Крыма, уверяет, что там можно прописаться по удост^{ов}верениям со службы. Вероятно, рискну. В среду 8-го, — очевидно не успею (вчера отдал посл^{еднюю} корр^{ектуру} посл^{еднего} листа «Куличек», но еще денежные и всякие дела с «Мыслью» и «Западом»). В среду 15-го едет Азов¹³, присосежусь к нему. — Вчер^а брал ванну, выспался, чувствую себя хорошо; четв^{ерг}, пятн^ица и субб^{ота} — просыпался в 8, отвратно; вторник и среду — спал ничего. — Из Москвы ничего, тишина полнейшая. — Это третье мое письмо Вам. Одно было из Петергофа, одно послал во вторник^{ик} из Петербурга. Получены?

Приехала Мэри. Был у нее в пятницу вечером. Впечатления у нее гнусные. Худа — щеночно. Кое-что привезла, как Лека¹⁴, <так же> с Лекой гов^{орила} по телеф^{ону}. «Зачем, говорит, я сюда приехала» (Лека).

Сегодня серо, холодно, изредка начинает моросить. Хотел ехать утром с пароходом — неохота. Если разгуляется — м^{ожет} б^{ыть}, поеду вечером. Пойду к Ахматовой¹⁵.

1. Вероятно, Венгеров Абрам Семенович — провизор и его жена Елизавета Юрьевна.

2. Роман «Мы» был завершен к середине 1921 г., но не был разрешен цензурой. Впервые в России был напечатан в 1988 г. в журнале «Знамя» (№ 4—5). О «допечатной» истории романа см.: Галушкин—1.

3. Повесть «Островитяне», основанная на материале современной английской жизни, была впервые опубликована в составе второго альманаха «Скифы» (Пг., 1918).

4. Вольная философская ассоциация (Вольфила, 1919—1924). Инициаторами ее создания были Иванов-Разумник, А. Блок, А. Белый и др. Первое публичное заседание 16 ноября 1919 г. открылось докладом А. Блока «Крушение гуманизма».

5. Волынский Аким Львович (Флексер, 1863—1926) — критик, философ, искусствовед.

6. Статья Волынского «Лики и лица» была опубликована в еженедельнике «Жизнь искусства» лишь в октябре 1923 г. (9 окт. № 40).

7. Вероятно, речь идет о брошюре К. Чуковского «Две души М. Горького» (Л., 1924). Упоминаний имени Замятина в брошюре нет, однако в ней содержится скрытая полемика с некоторыми его художественными идеями.

8. Евгений Максимович Браудо (1882—1939) — литературовед, критик и переводчик, заведовал немецким отделом в издательстве «Всемирная Литература».

9. Немецкая газета «Die Schöne Literatur», издаваемая в Берлине.

10. Браун Яков Вениаминович (1889—1937) — писатель, критик, исследователь творчества Замятина (см. его статью «Взыскующий человека» // Сиб. огни. 1923. № 5/6). 1 июня 1924 г. Я. Браун писал Замятину: «<...> надеюсь, дорогой Евгений Иванович, Вы заметили к<а>к оципана и редакцией, и цензурой моя статья о Вас (Вы убедитесь из сравнения с оригиналом, который я просил жену отдать Вам) — в „Сиб<ирских> огнях“. Не взыщите. Осенью надеюсь кончить книгу статей „Человек и Вещь“; тогда, в отдельной книге, и статья о Вас появится в истинном своем виде, с целым рядом новых замечаний (формальных), которые лишь теперь мне стали ясны» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 41. Л. 2 об.).

11. Неустановленное лицо.

12. На английский язык роман «Мы» переводил Григорий Зильбург (Gregory Zilboorg, 1890—1959), известный врач-психиатр. Он родился в Киеве, закончил в 1917 г. Психоневрологический институт в Петрограде, служил в медицинских частях русской армии во время первой мировой войны, участвовал в Февральской революции 1917 г. В 1919 г. эмигрировал в США и в 1920-е гг. занимался литературными переводами; параллельно изучал медицину в Колумбийском университете г. Нью-Йорка (см.: Мальмстад. С. 121).

13. Азов, Вл. Азов — псевдонимы Владимира Александровича Ашкинази (1873—1941) — фельетониста, театрального критика, переводчика.

14. Вероятно, актриса Большого драматического театра Е. Андреева (сообщено Р. М. Добужинским).

15. Дневниковые записи и мемуары современников (см.: Чуковский; Лукницкий П. Н. Об Анне Ахматовой / Публ. В. К. Лукницкой, коммент.

А. Маньковского // Наше наследие. 1988. № 6. С. 57—72) свидетельствуют о том, что отношения между Анной Андреевной Ахматовой и Замятиными были самые дружеские.

Сохранилась переписка Ахматовой с Е. И. и Л. Н. Замятиными, а также книги Ахматовой с ее дарственными надписями, адресованными Евгению Ивановичу и Людмиле Николаевне. Эти материалы относятся к 1921—1927 гг. Пять писем Ахматовой к Л. Н. Замятиной опубликованы Р. Д. Тененчиком (*Темы и вариации*. С. 453—462). В настоящее время девять писем Замятина к Ахматовой подготовлены к печати Е. Ю. Литвин: семь из них хранятся в РГАЛИ (Ф. 13 (А. А. Ахматова), оп. 1, № 141); два других — в ИМЛИ (Ф. 47, оп. 3, № 31).

Об обстоятельствах первой встречи Е. Замятина и А. Ахматовой неизвестно. Одну из случайных уличных встреч Ахматовой и Замятина 30 марта 1920 г. зафиксировал в своем дневнике К. И. Чуковский: «Мы встретили ее <Ахматову — М. Л.> и Шилейку, когда шли с Блоком и Замятиным из „Всемирной“» (Чуковский. С. 143). Дружеские отношения между Ахматовой и Людмилой Николаевной, вероятно, возникли в августе 1922 г., время ареста Замятина — на это прямо указывают ее дарственные надписи на книгах (см. Каталог. № 81 и 82). 24 сентября 1922 г. в день проводов парохода «Обербургомистр Хакен» с высылаемыми за границу философами и литераторами, когда вопрос о высылке Замятина не был еще решен окончательно, Ахматова написала стихотворение «Здравствуй Питер! Плох старый...» и посвятила его Людмиле Николаевне (см.: Искусство Ленинграда. 1989. № 5. С. 67).

В последующие годы Ахматова и Замятин регулярно встречаются на литературных вечерах, в гостях у общих знакомых, бывают друг у друга дома. Замятины опекают Ахматову: Людмила Николаевна помогает ей как врач (см.: Лукницкий П. Н. Указ. соч.), Евгений Иванович, используя свои литературные и издательские связи, хлопочет о публикации произведений Ахматовой, о восстановлении ей академического пайка.

15 ноября 1931 г. Ахматова была в числе немногих близких друзей Замятиных (С. М. Алянский, Я. П. Гребенщиков, Е. П. Корчагина-Александровская, А. А. Кроленко, З. А. Никитина, И. Я. Рабинович, М. А. Сергеев, Н. К. Шведе-Радлова), кто провожал на Варшавском вокзале Замятиных за границу (ОР РНБ. Ф. 1120, № 225. Л. 39об.).

Будучи во Франции, Замятины продолжали поддерживать Ахматову. Так, 11 декабря 1933 г. Замятин в письме З. А. Шаховской просил ее отправить пакет для Ахматовой А. П. Гроздовой, которая уже неоднократно доставляла Ахматовой такие посылки (см.: Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 245).

12—16 августа 1923 г. Петроград

СПб. 12—VIII—1923

Милая Мила Николаевна. Сейчас (в воскресенье утром), когда я пишу Вам это, у меня в бумажнике лежит уже билет — на среду 15-го, на 8.30 — Петербург—Феодосия. Снимаюсь с якоря и пускаюсь в авантюры — еду в Коктебели (в Джанкое — пересадка). В Коктебели, судя по сведениям, меньше всего пузонэпов — а может, и совсем нет, дешевле всего. Там — Волошин¹, Шкапская², кажется, Всево³лод Иванов³, — ничего публика. Есть даже, как будто, шансы на даче Волошина — очень гостеприимного — получить комнату gratis*. Как я уже писал, по словам А. А. Смирнова, в Крыму прописывают и по удостоверениям со службы (там трудкнижек вообще нет еще); так что, надеюсь, и тут все обойдется. На худой конец — спутешествую, выкупаюсь один раз, поверну оглобли и двинусь хотя бы в Нижний.

В среду едет и Тихонов (во вторн⁴ик на прошл⁵ой неделе он уехал в Москву — сегодня д⁶олжен вернуться) — конечно, мягко, а я — жестко (цена моему билету — 2300). И едет до Бахмута Миша Слонимский.

Он — с неделю в Петербурге, часто бывал у меня. Вообще, эта неделя была гостевая: дважды был Разумник, один раз обедал; еще один тип, который — как я писал — сочиняет монографию обо мне; Слонимский, Груздев, Израилевич⁴. Два раза был у Мэри, один раз обедал там. В пятницу в Вольфиле читал начало, 12 глав, романа (продолжать будут еще две пятницы без меня).

Мэри оч⁷ень похудела, но зато в острых, как иголки, туфельках — и соответственно прочее. Довольна, что вернулась. Кажется, уже писал, что она говорила с Лекой по т⁸ел⁹е ф¹⁰ону. Лека ругается: «Зачем меня черт сюда занес».

Уезжаю, закончивши все по «Западу» для № 4. И с своей книгой тоже: она выйдет в среду—четверг на след¹¹ующей неделе из типографии. Жаль, что не было времени дописать окончательно «Расск¹²аз о самом главном» — беру с собой. — Завтра должен выйти № 2 «Русск¹³ого искусства» с моей статьей⁵. Если попадется — взгляните № 10 «Прожектора»: там карриатура «Заседание русской литературы»⁶; найдете много знакомых, в том числе малознакомого Вам меня — под столом, где я возлежу на головах у Ремизова, Бело-

* бесплатно (фр.).

го, Куприна, Мережковского, Гиппиус, Чирикова⁷. А в № «Жизни Иск^уства» от 14-го авг^уста должна быть статья Волинского, где есть что-то и обо мне (не знаю еще, что).

Вчера получил письмо из Нью-Йорка, от Kennaday⁸. Переводчик Зильбург уехал на неск^олько недель в Канаду, и поэтому более подробные информации обещает послать после его возвращения. Он, оказ^ывается, учится в медицинск^ом колледже и из-за экзаменов очень задержал перевод романа, но, по-видимому, действительно послал для авторизации (не полученный мною) текст. Я написал, что на худой конец — разрешаю печатать без авторизации. Об «Островитянах» сообщают, что их «убедили, что в настоящее время неудобно издавать эту книгу in this country^{*}»...

Еще — литературное: «Петроград» объявляет конкурс на роман. В жюри: Сологуб⁹ и я, и критики — Горнфельд¹⁰, Раз^умник-Иванов и Эйхенбаум¹¹.

Теперь — о Вас. Довольно туманно Вы написали о регистрационных недоразумениях. Это меня беспокоит. Впрочем, если дело пахнет только тем, что Вы с двумя десятками червонцев раньше, чем думали, уедете в Златоуст — беды мало. Думаю, Вам все-таки приятно иметь свои — и не очень маленькие — деньги. Опять же Вы, вероятно, убедились, что лечебность — не забыли, хоть куда, и отдохнули от кухни, Агры, меня и всех петербургских пакостей.

С Агрой у меня, кстати, благоденствие, никогда никаких недоразумений. Сейчас написал ей с десятков разных доверенностей: в Институт, на обмен карточек, на паек, на золотое обеспечение и т. д. Она уже разложила мои чемоданы и хочет меня упаковать так же заблаговременно, как это было у Вас. Ростислава и Михаила регулярно укладывает спать; Ростиславу сшила новую куртку (а мне — нет!) (шьет: завтра, в среду — кончит).

У меня — дел еще много: кончить редактуру для «Мысли»; купить белые туфли и еще кой-что; достать денег. Пока у меня всего 8 черв^онцев, впрочем 5 еще у Алекс^ея Казим^ировича¹². Во вторник^и должен получить в «Мысли» штук 7, завтра в «Петрограде» — 5, и Тихонов обещал привезти из Москвы и выплатить мне по журналу 5—10. Итого до 25 наберется, думаю; хватит.

От меня и от Агры — письмо Вам было отправлено в воскресенье; от Вас получено, кажется, во вторник и больше — пока нет. Сейчас спущусь к Тихонову — думаю; приехал, и если что от него узнаю — припишу.

^{*} в этой стране (англ.).

Ну и день! Сейчас — 10 веч<ера>. С 8, после обеда, были: Милашевский¹³, Браун (тот молодой моск<овский> критик, к<оторы>й пишет статью обо мне), Боженко¹⁴, Миклашевский¹⁵ — приходил звать оппонентом на свой доклад об искусстве у Вольн<ых> Каменщиков¹⁶. А вернулся домой только в 7 — ушел в 12 1/2: доставал деньги — 2 раза был в «Мысли», раз в «Петрограде», менял деньги на червонцы, делал покупки — и хуже всего — два раза был и без конца ждал в цензуре. Зарезали «Сподручницу грешных»¹⁷, отвоевал. Впереди — на завтра: укладка вещей, штук 6 писем, зайти к Ахматовой¹⁸, к Мэри, прочитать одну рукопись для «Мысли»... Неужто настанет минута, когда сяду в вагон, буду глазеть в окно и читать роман?

Только сегодня приехал Тих<онов>; ничего по моим делам не удалось ему узнать. Плевать, на обр<атном> пути сам заеду в Москву. Он едет тоже завтра, если достанет билет; Слонимский еще задержится. Денег со мною будет черв<онцев> 25, червонца 2—3 оставлю Агре — и доверенности — на зол<отое> обесп<ечение> за авг<уст> и сент<ябрь>, во «Всемирной» и Политехникуме. Хватит, думаю.

Устал. Сплю все часов по 6, просыпаюсь в 8, кишки балуются, пью таннальбин (купил еще 50 гр<аммов>).

Рад, что Вы, по-видимому, начали спать и вообще приходить в себя. Пора. Кашлять-то по вечерам — кончили? Вы можете меня, конечно, обрезать, как часто бывало: «Вам это должно быть безразлично», — но что сделаешь — не безразлично.

Пока мой адрес такой: Феодосия. Крепостной пер., д<ача> быв<шая> Минкина, Любви Евсеевне Копылевич, для И. В. Карноуховой¹⁹ с просьбой передать Евг<ению> Иван<овичу>.

Письмо опущу в четверг в Москве. — Сейчас иду в ванну.

Е.

Очень рад, что около Вас завелись какие-то люди, что Вы не сидите дома и одна.

Кланяйтесь ангелочку. Когда кончается ярмарка? На обр<атном> пути, может, и заверну туда.

16—VIII. Еду, увы, не в купе: все жесткие вагоны — общие. Средне-комфортабельно. Народ кругом — скучнейший. В Москве сейчас (стоим 3 часа) постараюсь увидеть Воронского.

1. Волошин Максимилиан Александрович (1877—1932) — поэт, критик, искусствовед, владелец дома в Коктебеле, который благодаря радушию

хозяина получил название «Дом поэта». Сюда на протяжении 1920-х и начала 1930-х гг. съезжались на отдых литераторы и музыканты, ученые и артисты.

2. Шкапская Мария Михайловна (урожд. Андреевская, 1891—1952) — поэтесса, переводчица.

3. Иванов Всеволод Вячеславович (1895—1963) — писатель.

4. Слонимский Михаил Леонидович (1897—1972) — писатель; Груздев Илья Александрович (1892—1960) — литературный критик; Израилевич Яков (Жак) Львович (1872—1953) — секретарь М. Ф. Андреевой.

5. Чтение первых глав романа в Вольной философской ассоциации состоялось 10 августа. На это указывает письмо Иванова-Разумника Замятину от 7 августа 1923 г. (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 91). См. также: Гаген-Торн Н. И. Вольфила: Вол. филос. ассоц. в Ленинграде в 1920—1922 гг. / Публ. и предисл. Г. Ю. Гаген-Торн // *Вопр. философии*. 1990. № 4. С. 98—99.

6. В журнале «Русское искусство» за 1923 г. (№ 2/3) была опубликована статья Замятина «Новая русская проза».

7. В журнале «Прожектор» (1923. 30 июня) была помещена карикатура Бориса Ефимова «Пленарное заседание русской литературы»: под столом председательствующего был изображен Замятин, возлежащий на писателях Е. Н. Чирикове, Андрее Белом, И. А. Бунине, Д. С. Мережковском, А. И. Куприне, А. М. Ремизове. За исключением Замятина все, изображенные под столом, находились в эмиграции.

8. Kennaday Paul (Кеннеди Поль) — директор-распорядитель иностранной службы печати («The Foreign Press Service»). Сохранилось его письмо Е. Замятину из Нью-Йорка от 21 июля 1922 г. В нем он сообщал Замятину, что получил текст «Островитян» и передал его Зильбургу, он также выражал надежду, что Замятин вскоре вышлет текст романа «Мы» (см.: ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 97. Л. 1).

9. Сологуб Федор (Тетерников Федор Кузьмич, 1863—1927) — поэт, прозаик, драматург.

10. Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867—1941) — литературный критик.

11. Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1958) — литературовед.

12. Соколовский Алексей Казимирович.

13. Милашевский Владимир Алексеевич (1893—1976) — художник.

14. Боженко Константин Никанорович (1878—1939) — литератор.

15. Миклашевский Константин Михайлович (1886—1944) — литературовед, автор книги «Гипертрофия искусства».

16. В Петрограде в 1920-х гг. существовал художественный кружок «Живое творчество: Ложа вольных каменщиков искусства». Здесь делали доклады, смотрели кино, устраивали вечера. Сохранилось одно из приглашений Замятину на собрание ложи, посвященное «Собеседованию о Новом и

Старом театре» 2 июня (вероятно, 1923 г.). Это собрание проходило по адресу: Невский пр., д. 60, кв. 7. Предполагалось, что его откроет «старейший из братьев каменщиков — брат Владимир Николаевич Давыдов» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 82). 17 августа 1923 г. А. А. Кроленко записал в своем дневнике: «Миклашевск<ий> приглашает на свой доклад в понед<ель>ник» и 20 августа: «Доклад Миклашев<ского> длился 1 ½ часа и несмотря на забавность был весьма пуст» (ОР РНБ. Ф. 1120, № 219. Л. 115 об., 117).

17. Предполагалось, что рассказ «Сподручница грешных» войдет в сборник «На куличках», который готовило издательство «Петроград».

18. На следующий день 15 августа Замятин отправил утром записку А. Ахматовой с А. П. Гроздовой. На конверте было указано: «Моей великой современнице Анне Ахматовой на Фонтанку 18, кв. 28». Замятин писал:

«Дорогая великая современница.

Будьте добры, дайте мне на несколько часов мои тайны — надо кое-что взять с собой. Дульцинея принесет их Вам обратно вечером. А я до отъезда (сегодня в 8—30) еще забегу к Вам.

Ваш Евг. Замятин

15—VIII—1923»

(РГАЛИ. Ф. 13 (А. А. Ахматова), оп. 1, № 141. Л. 3).

Под «моими тайнами» Замятин подразумевал свою шуточную пьесу «Борьба за престол». В ней, подражая «Тайнам Мадридского двора», он изобразил смену Правления Дома литераторов. Одной из героинь пьесы была Ахматова.

19. Карнаухова Ирина Валерьяновна (1901—1959) — впоследствии детская писательница, занималась фольклором.

№ 209

21 августа 1923 г. Коктебель

Вторник 21—VIII—1923. Коктебель

Перед окном — море. Это — на даче у Волошина. Сейчас отсюда уезжает один доктор в Москву — посылаю наскоро несколько строк.

Ехать было очень утомительно. На станции в Петерб<урге> надули: в жестких вагонах не было купе — все общие — и оттого все время ехал бессонно. Если бы знал, конечно, взял бы мягкое место.

Из Джанкоя решил свернуть на Севастополь, и оттуда ехать в Коктебель паромом: нашлись попутчики, к<оторы>е убедили, что это будет великолепное путешествие.

В Севастополе был в 7 утра в субботу. В субботу же шел паром на Феодосию. Оказались орды, войска пассажиров. С большим тру-

дом достали билеты I класса, и сидели всю ночь на палубе на чемоданах. В Феодосии — в воскр<есенье> в 2 часа дня. Усталость такая, что ехать в Коктебель, попасть к Волошину, разговаривать — не было сил. Ночевал в Феодосии в гостинице.

У Волошина — 2 дачи, очень хороших. Живет человек 20 разного народу — еще не всех видел и знаю. Он был очень рад мне, кажется, — по случаю приезда устроил у себя чтение своих стихов — до 12 ночи, а у меня весь вечер слипались глаза.

Временно ночевал в одной комнате, откуда хозяин уехал на день. Сегодня устраиваюсь оседло. Комната, как келья: белая, толстостенная, маленькое окошечко, кровать, стол, стул. Прimitивно весьма. Есть ресторанчик¹, где можно пить и есть — недорого: обед из 2—3 блюд 40 мил<лионов>, ужин — одно блюдо — 30 мил<лионов>. Масса фруктов; дешево: виноград 10—12 м<иллионов>, груши — 10 м<иллионов>, арбузы по 10—15 штука, персики, дыни.

К счастью, пока кишки мне позволяют фруктовать.

Купаться начал в субботу, в Севастополе. Продолжил в Феодосии — в воскресенье и вчера утром. Сегодня — купался уже здесь утром.

Спать все еще никак не научусь, недосыпаю хронически. Вчера лег в час, проснулся в 8. Постараюсь выспать себя сегодня.

Адрес: Феодосия, дом Айвазовского², Максимилиану Александровичу Волошину, для меня. На случай экстренности телеграммы: Феодосия, Коктебель нарочным, Волошину для меня.

В Москве стояли 3 часа. Видел Воронского; он звонил при мне по телефону³, справлялся обо мне, никого на месте не было. Агранов³ приехал из отпуска, Воронский обещал узнать.

1. Речь идет о кафе «Бубны», принадлежавшем греку А. Г. Синопли (см. подробнее: *Воспоминания о Волошине*. С. 315, 476).

2. Дом-музей И. К. Айвазовского в Феодосии.

3. Агранов Яков Саулович (1893—1938). С 1919 г. «особоуполномоченный по важнейшим делам» и одновременно секретарь Совнаркома, позднее «особоуполномоченный по секретным делам», вошел в Коллегию ВЧК, Коллегию ОГПУ, в конце 1920-х гг. — начальник Секретного отдела, с 1923 г. — первый заместитель наркома внутренних дел. Занимался процессами так называемых «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии», «Ленинградского террористического центра» и др. В 1923 г. — прокурор ОГПУ.

26 августа 1923 г. Коктебель

26—VIII—1923. Коктебель

Уже неделю как здесь. Живу — как татарин, как краб, головы будто и нет совсем.

Волошинская дача — в 10 шагах от моря. Утром встаю — и в одной простыне иду купаться. Потом в ресторан — пить чай и есть яйца. Затем — дома, прибрать комнату, написать письма, оскоблить физиономию, а в пол-первого, в час — на пляж — печься на солнце, еще раз купаться, и в 2 — обедать в ресторан. Обеды из 2 блюд, 50 мил<лионов>, иногда — недурные, иногда — средние. Зато — дыни, груши, арбузы, виноград, все — дешево.

К сожалению, не то — обеды, не то — увлечение фруктами, не знаю, но только сегодня ночью — рожал, болел живот, утром пил таннальбин, посадил себя на рис дня на два. И увы! — купаться сегодня не буду.

Вообще, на волошинской даче — не очень хорошо. Я выбрал себе комнату в маленьком флигельке, еще не знал, кто напротив (тоже в флигельке). Оказалось — некая харьковская певица с маленькой девочкой; встают часов в 6—7 утра, обе голосисты невероятно, и будят меня. А лечь никак не ухитрюсь раньше 12, а то и часу. И конечно, не высыпаюсь — ни разу не спал даже и 8 часов.

Не взирая на это, чувствую себя сносно — солнце, купанье, прогулки.

Впрочем, больших прогулок пока не делал — только один раз в большой компании ходил верст за 9—10. Преимущественно — косоно в индивидуализме. Только по вечерам иногда хожу к Макс Волошину. Он много интересного рассказывает мне о крымской жизни за эти годы, а я — прихожу домой и записываю. Иногда по вечерам у него — чтения; похоже, что заставят меня читать роман.

Письмо это сегодня, кажется, не уйдет; никто не едет в Феодосию (поезда на Севастополь и дальше из Феодосии — 2 раза в неделю, по воскр<есеньям> и средам).

15/28. Успенье. Оказия — только завтра: уезжает в Петербург муж Шкапской¹. Это письмо бросит в Москве. Сюда письма — доходят плохо.

Погода — два дня — чудесная, жарко, теплые лунные ночи. Уже забронзовел: полчаса — минут 40 каждый день лежу на солнце, на пляже. Больше нельзя: многие обжигаются до волдырей, у иных поднимается температура. Со вчерашнего дня — опять купаюсь;

рисовые дни сегодня кончил, принялся опять за груши. Мне очень жалко, что Вы не пользуетесь всеми этими благами: в воде, в винограде, на солнце, в грушах, в дынях — Вам было бы раздолье.

Есть милая публика: одна молодая врачебная чета москвичей — ассистентов моск<овского> ун<иверситета>; московская актриса Сахновская², одна художница; Шкапская с мужем; дочь заведующей редакцией в «Мысли» — Карноухова³; сам Макс Волошин — очень интересен. У него — прекрасная библиотека.

Дня через три уедет Софья Андреевна Толстая⁴ — вероятно, поселюсь в ее комнате, будет лучше.

Вчера вечером начал читать у Макса роман, публично; сегодня продолжаю⁵.

Е

1. Шкапский Глеб Орестович (1891—1962) — радиоинженер.

2. Сахновская Зоя Александровна — актриса Малого театра.

3. И. В. Карнаухова — дочь переводчицы Аллы Митрофановны Карнауховой, работавшей в издательстве «Мысль».

4. Софья Андреевна Толстая (1900—1957) — внучка Л. Н. Толстого, ставшая женой С. А. Есенина в середине 1925 г.

5. Замятин читал роман «Мы» у Волошина и вечером 3 сентября (см.: Чуковский. С. 249).

№ 211

7 сентября 1923 г. Коктебель

7—IX—1923. Коктебель.

Милая Мила Николаевна. Пишу Вам в своей белой келье (со сводами), при коптилочке, одетый по-городскому — в воротничке: сегодня будет в клубе — платный вечер, в пользу одной актрисы, обитающей на даче у Волошина. Я буду читать «Пещеру» и играть (!) в одной одноактной сценке.

Живу здесь уже почти 3 недели, но отдыхом своим недоволен. Первое — почти все время недосыпаю: шумно по утрам (приходят торговцы, бегают дети), а ложусь поздно — то сам читал (роман) у Волошина, то еще кто читал, то прогулки. Второе — питание: в ресторане неважно, кишки не ладят, фрукты соблазняют. Также и женщины.

К счастью, завтра уезжает от Волошина 15 человек; сразу будет пусто, тихо и отдохновенно. Ничего не делаю (не пишу). Все время было жарко, только сегодня холодно, облачно, ветер.

Дней 5 как приехал Чуковский¹.

От Вас здесь — ни одного письма. Где Вы — не знаю. Пишу на-удачу в Златоуст.

Пробуду, думаю, числа до 25-го.

Е

1. К. Чуковский приехал в Коктебель 3 сентября (см.: Чуковский. С. 249).

№ 212

10 сентября 1923 г. Коктебель

Коктебель. 10—IX—1923.

Милая Мила Николаевна, хорошая. Мне как-то горько было от последнего Вашего письма и оттого, что Вам уже не хочется писать мне, и от мысли, что может быть так лучше. Какое у меня право сказать Вам: «Не ездите туда-то» или «Приезжайте туда-то»? Ну, хорошо, Персия. Что же вместо этого могу предложить Вам я — изломанный, больной, неудовлетворенный ничем и никем? Боюсь, что я выжжен, выболел, пуст — и бог его знает, что буду делать, что<бы> чем-нибудь напихать эту пустоту.

Впрочем, сейчас пока у меня ни на что нет энергии. Сначала, когда приехал — от солнца, от новизны чуть-чуть мелькнуло что-то. А теперь — гладко и лысо.

Уже четыре недели здесь, а чувствую себя не очень важно. Сплю плоховато. С питанием последние недели 1 ½ устроился хорошо (ходил вместе с Чуковским на одну дачу — завтракать утром, обедать и ужинать), физиономия, говорят, стала кругленькой. Но — усталость, спина болит больше, чем прежде. Очень возможно, что это — от солнечных ванн и от купания — особенно в последние дни, когда были сильные ветра и прибой. На днях завели знакомство с одним московским доктором — может быть, схожу к нему — очень любопытный и умный.

Публика поразъехалась. На Волошинской даче и на пляже пусто. Через неделю уезжают еще многие. Может быть, уеду и я. А может быть, апатия моя и еще задержит меня здесь. Надо ехать отсюда в Лебедянь — не хочется.

Завтра Чуковский и две девицы собираются ехать в Судак на линейке, тянут меня — должно быть, поеду; вернемся в понеде<ельник> вечером (это — верст 30 отсюда). Это письмо повезет Вам в Москву советский дипломат Кожевников¹ — жил все время у Воло-

шина, завтра едет в Москву. С ним же посылаю один проредактированный здесь роман Уэллса для «Мысли» — и тут не дают покоя. Прислали из Петербурга, очень просили посмотреть — не хотелось, все-таки сделал. Писать — ничего не пишу. Так, подбирается кой-какой материал, рассказывают кое-что разные люди о всем, что творилось в эти годы на юге.

Одно письмо в Златоуст недавно Вам уже послал, но адрес был какой-то фантастический, едва ли дойдет. Писал там о вечере, какой был устроен в Коктеб<ельском> клубе в пользу одной актрисы (живет у Волошина). Я читал из «Алатыря»² и вдвоем с этой самой актрисой ... играл одноактную пьеску. Говорят — хорошо.

Е

Иногда думаю: какие люди около Вас и что у Вас с ними? Не пейте много вина, не надо. — И думаю, что у Вас выйдет за путешествие по Волге?

Агре писал, чтобы насчет электр<ичества> сходила к Влад<имиру> Влад<имировичу>³.

1. Кожевников Иннокентий Серафимович (1879—1931) — сотрудник Наркомата иностранных дел, в 1921 г. — товарищ министра иностранных дел Дальневосточной республики, в 1922 г. — полпред РСФСР в Бухаре, в феврале—августе 1923 г. — полпред СССР в Литве (г. Ковно). С 28 августа 1923 г. освобожден от работы в НКВД РСФСР (СССР?).

2. Рассказ «Алатырь» (1914). См. примеч. 5 к п. 132.

3. Вероятно, В. В. Святловский.

№ 213

28 сентября — 3 октября 1923 г. Коктебель

Коктебель. 28—IX—1923

Милая Мила Николаевна — нынче было первое осеннее утро — с маленьким дождем и прохладно (сейчас — 2 часа — уже совсем тепло). Сейчас с волошинской дачи едут в Москву и Петербург — с ними посылаю письмо.

Коктебель сегодня совсем опустеет — много уезжает. Я тоже хотел ехать сегодня. Но решил остаться еще на неделю: завелись тут знакомые инженеры-путейцы (начальник Курской дороги), у них через неделю будет свой вагон, мягкий — приглашают ехать с ними. А так — уехать трудно, вагоны скверные, с клопами — до самой Москвы. На институт и на все дела в Питере как-то махнул рукой.

Очень не хочется из Москвы трястись в Лебедянь, уж не знаю, поеду ли.

Выходит, проживу здесь почти два месяца. Отдыхом будет в сущности последний месяц, когда переселился в новую комнату, очень тихую*. И еще горе: стоят несколько дней часы, просыпаюсь поэтому иной день спозаранок. Чувствую себя сносно, ничего не делаю. Лежу на солнце, купаюсь раз—два в день, понемногу (у меня что-то вроде левостороннего ишиаса, бывает — ночью места не найду, и так и этак — все больно; сейчас — почти прошло). Последние дни — опять кишки не ладят, бросил есть фрукты (а какие груши пошли!). Сегодня взвешивался — со времени приезда прибавил всего 4 фунта.

На днях от Воронского получил письмо. Пишет, что был у прокурора Г.П.У.¹, говорил с ним обо мне. Мне — по словам Воронского — надо подать в Г.П.У. заявление о пересмотре моего дела и о том, чтобы меня оставили. Стало быть, эта канитель все еще тянется.

От Вас после последнего письма из Нижнего — ничего. После этого письма встоскнулось о Вас на несколько дней, потом опять осело на дно. Живу — и как-то ничего не хочется: ни гулять, ни есть, ни любить, ни писать, только бы лежать на солнце и ни о чем не думать.

Завтра Ваши именины, а мне нечего подарить Вам — ничего у меня нет.

Кланяйтесь Марии и Сергею Константинычу².

Евг 3

Феодосия 3—IX.³

Народу уезжает уйма. Девицы, к<оторы>е должны были уехать в воскресенье, сидят до сих пор. Поэтому — взял у них письмо и везу сам. Вагон, о к<оторо>м писал, пришел раньше, чем думали, и сегодня уже едем в Москву. Едем — комфортабельно: у нас с Чуковским двухместное купе I класса, дальше — комиссар дороги с женой, и след<ующее> купе — начальник дороги. В купе II кл<асса> (вагон-микст) — инженер с женой и братом, врач — ассист<ент> одного проф<ессора> Моск<овского> ун<иверситета> с женой и дочерью (балерина, очень хорошая и интересная девушка) — и еще один железнодорожник с семьей. Всё — коктебельские знакомые. У проводника в вагоне — самовар и почтение всяческое. Мы с Чуковским везем с собою виноград и груши. Едем сегодня в 12—30 ночи, в субботу днем — будем в Москве. За билет заплатили уйму денег.

* Как-то недавно ночью проснулся от того, что на руке у меня сидела мышь. Вы бы умерли со страху.

1. Я. С. Агранов.
2. Ильинский Сергей Константинович — инженер, муж Марии Николаевны Усовой.
3. Ошибочно. Нужно — 3—X.

№ 214

8—9 октября 1923 г. Москва

Москва, 8—IX¹—1923.

Доехали совсем незаметно — в компании. Изнемог от недосыпа Чуковский поднимался чем-свет, я за ним — тоже. С багажом, (к^кторы>й мы везли в вагоне) страшные строгости, штрафы за каждый фунт сверх 2-х пудов, но при высокой помощи — все довезли благополучно. По телеф^кону с вокзала узнал, что в Москве — Тихонов. На Леонтьевском, значит, уже нельзя было остановиться, отправился к комиссару дороги (грузин, врач, очень милый), поселился у него в кабинете. Вчера опять мало спал: созвонился с Пильняком, вечером допоздна просидел с ним (в субботу). Днем вчера — отправился с Тихоновым на выставку, погода была прекрасная, бродили долго, устал очень. Может быть, поэтому сегодня, наконец (уж не знаю, сколько времени — впервые) — выспался, встал в 9 часов. Сейчас созвонился с Воронским и поеду к нему. От него узнаю о своих делах — и кончу тогда письмо. Вечером встречу с Пильняком в Союзе Писателей. У него — есть английская жена, к^котора>я скоро, вероятно, сюда, в Россию, приедет². Из «Круга»³ он ушел, сам издаст свои книги.

У Тихонова — все идет война с Ионовым⁴, денег во «Всемирной» нет по-прежнему.

В Москве — Шкловский Виктор⁵, вернулся. Я его еще не видел. Скоро возвращается Андрей Белый⁶.

9—IX.

У Воронского был. По его совету подал заявление в Г.П.У., чтобы выяснить дело. «Круг» издает литер^катурно>-критический сборник «Писатели о литературе и о себе»⁷. Есть статьи А. Толстого, Пильняка, Никитина, еще чья-то⁸. Воронский очень просит меня; вернусь в Петербург — напишу уже.

Виделся с 1-й Студией⁹. Опять разговоры о пьесе — «Островитяне». Кажется, тоже придется писать. Был у Лежнева («Россия»)¹⁰. «Россия» превращается в толстый журнал; в № 1 — Горький, Белый, Ремизов, разные знаменитые немцы. Требуется мой рассказ. Вообще, кажется, в Петербурге нужно будет сесть за стол и кончить хоть на время беспутную свою и бродячую жизнь. Устал от этого — и, в частности, тут в Москве. Вчера вернулся домой в 3 1/2 часа; спал до 8—8 1/2. Сегодня пойду к Дикому¹¹ (1-я Студия) с Тихоновым; там будут студийцы и горькое пьянство. Мне — горькое.

В Лебедянь, по всем видимостям, не поеду: там могу пробыть только дня 3—4, и 4 ночи не спать в дороге (туда и обратно). Попасть в Институт в конце октября — вместо середины сентября — неловко.

Вчера видел в магазине «На куличках»¹². Так книжка вышла недурно, но цензура, черт ее возьми, все-таки выбросила один рассказ («Сподручница грешных») — и книжка испорчена¹³. Обидно.

Е 3.

1. Ошибочно. Здесь и далее должно быть: 8—X; 9—X.

2. Пильняк вернулся из Англии, куда он попал при содействии советского посла в Англии Л. Б. Красина. О целях этой трехмесячной командировки Пильняк писал И. М. Касаткину: «Я и Никитин в Лондоне, работаем в Аркосе, в Бюро Информации. Задача бюро — возможно четче отразить действительное экономическое состояние России» (Цит. по: Пильняк — Замятину. С. 131).

3. «Круг» — издательство Артели писателей (1922—1929), возглавляемое А. К. Воронским вместе с А. Я. Аросевым и Н. Н. Асеевым, Пильняк входил в правление издательства и выполнял функции редактора.

4. Ионов Илья Ионович (1887—1942) — заведующий Петроградским Госиздатом. «Всемирная литература» сохраняла свою независимость только благодаря благожелательной позиции заведующего ГИЗом в 1921—1924 гг. О. Ю. Шмидта, издательству покровительствовал также А. В. Луначарский. Все эти годы главным противником «Всемирной литературы» оставался И. И. Ионов. Он неоднократно пытался влить «Всемирную литературу» в отдел иностранной художественной литературы руководимого им Петроградского отделения ГИЗа. Такая попытка была предпринята в 1922 г., но тогда А. Н. Тихонову удалось отстоять издательство. В 1924 г. Ионов был назначен заведующим Госиздатом РСФСР, и 13 декабря 1924 г. он подписал приказ о расформировании этого издательства.

5. Писатель и литературовед Виктор Борисович Шкловский (1893—1984) вернулся из Берлина, где он находился с середины 1922 г.

6. Писатель Андрей Белый вернулся из Берлина в Москву 26 октября 1923 г. 21 сентября В. Ф. Ходасевич записал в своем «Камерфурьерском журнале»: «Шкловский уезжает сегодня в Россию» (см.: *Минувшее*. Т. 1. С. 435).

7. Сборник вышел под названием «Писатели об искусстве и о себе: Сборник статей. № 1» (М.; Л., 1924).

8. В сборник вошла статья Замятина «О литературе, революции, энтропии и о прочем». В октябре 1923 г. Замятин писал Волошину из Петрограда: «На днях послал в „Круг“ Воронскому статью „О литературе, революции, энтропии и о прочем“ — для практического сборника; почти уверен, что статья окажется верблюдом, а Воронский — игольным ушком» (Ци по: Замятин — Волошину. С. 121).

В сборнике «Писатели об искусстве и о себе» кроме указанной работы Замятина были опубликованы статьи: А. Н. Толстого — «Литературные заметки» и И. Касаткина — «Литературные ухабы: Мысли вслух», Л. Семеновича — «Лоскутки мыслей о литературе», Вс. Вяч. Иванова — «О себе как об искусстве», Б. А. Пильняка — «Отрывки из дневника», А. Соболя — «Косноязычное», Н. Н. Никитина — «Вредные мысли», В. Г. Лидина — «О искусстве и о себе», А. Яковлева — «О жизни и творчестве», Н. Огнева — «Только через массу».

9. Первая студия Московского Художественного театра обратилась к Замятину с предложением написать пьесу на основе его повести «Острови-тяне» (1917).

10. Лежнев Исай Григорьевич (Альтшуллер, 1891—1955) — литературовед, публицист, редактор журнала «Россия». После закрытия журнала предпринял попытку его возродить. 20 июля 1923 г. Лежнев писал Замятину: «После долгих и мучительных хлопот мне, наконец, разрешено возобновить „Новую Россию“, как „толстый“ ежемесячный журнал. Журнал будет подготавливаться, редактироваться, цензоваться в Москве, но печататься в Берлине...» (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 3, № 118. Л. 1).

11. Дикий Алексей Денисович (1889—1955) — актер и режиссер Первой студии МХАТ, затем МХАТ 2-го.

12. В сборнике «На куличках» (Пг.; М., 1923) были опубликованы повесть «На куличках», рассказы «Знамение», «Африка», «Детская», «Письменно», «Апрель», «Правда истинная».

13. Вернувшись в Ленинград, Замятин обнаружил, что цензура «вырезала» не только «Сподручницу грешных». В октябре 1923 г. он написал из Петрограда М. А. Волошину: «...без меня вышел мой том с вырезанными из него двумя рассказами — это уж подарок» (см.: Замятин — Волошину. С. 121).

20 апреля 1924 г. Москва

Апреля 20, <192>4.

Ну и кружало! Ну и дела! Хожу недоспанный, хронически. Во вторник вечером был у Пильняков², слегка пили. Проливной дождь. В среду днем был у Дикого, читал свои наброски к «Левше»³. Написанный 1-й акт Дикому очень понравился, принял, было, даже и скоморохов. Потом явилось — сценическое — возражение против того, чтобы давать на сцене 2 раза Петербург (1-ый и 4-ый акт). Проектируется сделать 3 акта: 1-ый — Англия (Царь и Платов в Англии), 2-й акт мой — Тула; 3-ий — Петербург (англичане в Петербурге — материал моего прежнего 3-го акта + 3-ий акт)⁴. Вообще, он гораздо покладистей, чем в письмах. Я — тоже.

В понедельник днем читаю в 1-й Студии «Островитян»⁵. Вечером в понедельник — читаю «Рассказ о самом гл<авном>» — в Союзе Писателей. Во вторник, по просьбе 3-ей Студии, читаю у них об Уэллсе (они ставят переделку из Уэллса). Кроме того, меня усиленно обхаживают для публичного прочтения лекции об Уэллсе и лекции о соврем<енной> прозе в Политехнич<еском> Музее. Условия довольно выгодные; но это уже, вероятно, на Фоминой.

Насчет «Островитян» — на всякий случай — вел вчера разговоры с Малым Театром.

Вечер «Современника»⁶ прошел так себе. Овации — настоящие — одной Анне Андреевне. В Вечерн<их> «Изв<естиях>» и сегодня в «Правде»⁷ — как и следовало ожидать — вечер обругали — легонько. После вечера — пир у Магарама⁸. Блюдов 10, тридцатилетний портвейн, шампанское, ликер. До 7 часов утра. Возвращались — утро великолепное, летнее. <...> Вообще вчера и сегодня — лето.

С журналом — вчера мы, было совсем, приуныли. Был вчера вечером на заседании Союза Пис<ателей> — и там Тих<онов> сообщил, что журнал закрывают, не дадут выйти уже 1-му №⁹. Поэтому утро сегодня проведено в приемной у Луначарского — Тих<онов>, Эфрос и я беседовали с ним, затем — без конца — с цензурой. Кое-как отбились: т<о> е<сть> первый № выпустят, а что дальше — неведомо. Узнаем во вторник, после засед<ания> Коллегии в цензуре.

Сейчас иду обедать к Пильняку. Потом — если успею — заеду к Воронскому — для разговоров о журнале и о своем романе¹⁰. Вечером — первый раз — попаду в театр: «Книга золотая»¹¹ — в 1-й Студии; после спектакля все — в Студию, какая-т<о> вечеринка у них. Завтра — тоже, может быть, попаду в театр куда-нибудь.

Живу пока все еще в «Эрмитаже»¹². Окна на улицу — трамваи, грузовики — просыпаюсь с 8 часов. Сегодня, кажется, дадут ноготки окнами во двор.

В вагоне — часа 3—4 спал. В соседнем купе, оказывается, едет Файнер с Любовью Абрамовной¹³. Может быть, попаду туда — с ним — завтра обедать, — хотя завтра же обещался к Чулкову¹⁴.

Пильняк ждет от Вас письма¹⁵.

Всего хорошего.

1. Написано на бланке журнала «Русский современник».

2. Пильняк в это время жил у своей второй жены — Ольги Сергеевны Щербиновской, актрисы Малого театра, по адресу: Поварская ул., д. 10, кв. 8.

3. Основой для пьесы «Блоха» послужил рассказ Н. С. Лескова «Скаутульском косом Левше и стальной блохе». МХАТ 2-й, как вспоминал Ю. П. Анненков, обратился к А. Н. Толстому с просьбой инсценировать этот рассказ, но «Толстой отказался, заявив, что это невозможно. Театр обратился тогда к Замятину <...>» (Анненков. С. 266). 18 января 1924 г. акт. В. П. Ключарев писал Замятину: «<...> Не согласитесь ли написать пьесу, взяв основой „Левшу“ со всякими отклонениями и вариациями» (Цит. по Дикий. С. 285).

3 февраля 1924 г. Замятин ответил В. П. Ключареву: «<...> лесковский блоха меня укусила — так здорово, что на прошлой неделе я уже сделал первый эскизный набросок пьесы» (РГАЛИ. Ф. 2376 (А. Д. Дикий), оп. 1, № 263. Л. 1).

4. Замятин «<...> опустил целый ряд глав лесковского рассказа: 1-ую, 2-ую, 3-ую, 6-ую, 7-ую и 8-ую. Одновременно с этим Замятин ввел ряд новых персонажей, вдохновленный итальянской народной комедией <...>» (Анненков. С. 267).

5. По мотивам повести «Островитяне» Замятин написал пьесу «Общество Почетных Звонарей». 18 января 1924 г. В. П. Ключарев писал Замятину из Москвы: «Сейчас у Студии, как раз острее чем когда-либо ощущается нехватка пьес для нового репертуара, и самое бы время появиться „Островитянам“» (РГАЛИ. Ф. 2376, оп. 1, № 263. Л. 1).

6. 17 апреля 1924 г. в преддверии выхода первого номера журнала «Русский современник» в Москве в зале Консерватории прошел вечер «Литературное сегодня». В нем приняли участие А. А. Ахматова, Е. И. Замятин, К. И. Чуковский, А. М. Эфрос, Б. А. Пильняк, М. А. Чехов. На вечере Замятин читал рассказ «Чудо в пепельную среду» (см.: Дни. Берлин, 1924, 4 мая).

7. В газете «Вечерняя Москва» 18 апреля была напечатана статья Бориса Бобовича «Литературные вечера: Вечер „Русского современника“»; в «Правде» за 19 апреля — статья А. Сергеева «Вчерашнее „сегодня“».

8. Магарам Николай Иосифович — редактор журнала «Русский современник».

9. 21 февраля 1924 г. Замятин писал Льву Лунцу в Гамбург: «<...> на днях Тихонов приехал из Москвы и привез разрешение на журнал толстый, как Щеголев. Имя ему Русский Современник. В редакции: заграничной — Горький, в России — Тихонов, я, А. М. Эфрос и, может быть, Чуковский. Издание — бесповоротно частное. Четыре дня уже как сижу по уши в рукописях и заседаниях по журналу, забыл, чем пахнет снег. Первый № выйдет в конце марта <...>» (Новый журн. 1966. Т. 83. С. 167). Первый номер журнала был подготовлен к печати в середине апреля 1924 г.

10. Речь идет о последней попытке Замятина получить цензурное разрешение на роман «Мы». 21 марта 1924 г. Замятин писал Л. Н. Лунцу о журнале «Русский современник»: «Первый № выйдет в конце марта: «Воспоминания о Ленине» Горького и его рассказ; м<ожет> б<ыть> — мой роман (если проволокут его через все заставы) <...>» (Лев Лунц и Серапионовы братья / Публ. и коммент. Г. Керна // Новый журн. 1966. Т. 83. С. 167). 30 марта в ленинградском еженедельнике «Зори» (№ 12. С. 16) появилось сообщение о публикации «Мы» в первом номере журнала. Журнал вышел из печати 16 мая — без романа «Мы», но с замятинским «Рассказом о самом главном» (см. коммент. Е. А. Тоддеса, А. П. и М. О. Чудаковых // Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 463). В конце апреля — начале мая состоялось обсуждение романа в ленинградском Гублите (см. Галушкин—2. С. 372).

11. Пьесу А. Н. Толстого «Любовь — книга золотая» поставила Первая студия МХАТ. Режиссер — С. Г. Бирман, декорации — Д. Н. Кардовского. Премьера состоялась 3 января 1924 г.

12. В московской гостинице «Эрмитаж» кроме Замятина остановились также К. И. Чуковский и А. А. Ахматова.

13. Вероятно, Любовь Абрамовна Ческис — секретарь издательства «Всемирная литература».

14. Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — поэт, прозаик, жил в Москве на Смоленском бульваре.

15. В письме от 5 апреля 1924 г. Пильняк просил Евгения Ивановича и Людмилу Николаевну устроить свою бывшую жену Марию Алексеевну в Ленинграде: «Мария Алексеевна не хочет оставаться в Коломне, думает переехать в Питер,— я должен буду подыскать ей там квартиру и место, врачебное <...> помоги мне в этом, укажи советом, спротежируй, создай хоть синекуру, за которую я буду отплачивать тайком от нее, она по специ-

альности хирург, но хорошо знакома с женскими болезнями и детскими, и врач она не плохой». (Цит. по: Пильняк — Замятину. С. 138—139). Проект об устройстве Марии Алексеевны в Ленинграде не осуществился.

№ 216

23 апреля 1924 г. Москва¹

1924. IV²

Мила Николаевна, милая, что же такое с Вами — Вы не пишете, и я беспокоюсь. Получил и прочитал Ваше письмо только сегодня утром. Завтра мне еще раз надо увидеться с Воронским — закинуть удочку насчет романа — и еще раз с Диким и еще одним из 1-й Студии³ поговорить о «Левше». И завтра же еду — в пятницу буду дома. Достать билет, оказывается, очень трудно, но уж как-нибудь постараюсь — поеду хоть жестко.

Жить здесь до Фоминой, я, конечно, не собирался, а, вероятно, придется после Фоминой приехать сюда дня на 2—3, чтобы прочитать лекцию.

Устал в Москве (но усталость уже другая, чем в Петербурге — не головная) и надоело. Уеду с удовольствием.

Пусть мальчики до пятницы получше присмотрят за Вами.

Е.

Спасибо за письмо. Оно такое хорошее, что мне прямо стыдно.

1. Датируется по содержанию.

2. Дата проставлена карандашом рукой Л. Н. Замятиной.

3. Ключарев Виктор Павлович (1898—1957) — актер Первой студии МХАТ, позднее МХАТа 2-го, одновременно был ответственным за репертуарную часть Студии.

№ 217

8 сентября 1924 г. Лебедянь

8—IX—1924. Лебедянь.

Милая дружечка (— лебедянское слово), я не сегодня — завтра уеду отсюда — в Москву и Питер, пишу отсюда уже последний раз. Пожалуй, жаль, что я не поехал на юг — надо было бы уехать отсюда одновременно с Вами. А то эти две недели было здесь так — ни работа, ни отдых, середка на половинке. Хороших дней было только три—четыре, да и то настоящий летний, жаркий — только один,

в воскресенье 7-го — такой же день, какие были при Вас, так что я ходил без своей синей кофты и после обеда валялся в саду на наших старых местах. Остальные дни — в саду было неуютно, ветрено, часто — шел дождь, а сегодня — льет ливень, с грозой и градом весь день. Вчера мы с тетей Варей собирали в саду яблоки—антоновку и остатки белого аниса внизу, я вспоминал Вас. Да вообще — беда: тут куда ни пойдешь — натыкаешься на Вас. Ходил гулять мало: раза два на станцию с Женей¹, один раз в поле с Ал<ександрой> Ив<ановной>², два раза в Казаки с тетей Варей³. Вот и все.

Потратил зря время на то, чтобы заставить себя работать — толку не вышло, ходил все время невыспанный. Только и сделал, что проштудировал протоколы Литературного совещания⁴ и сделал кой-какие отрывочные, черновые наброски для статьи⁵. Начал писать небольшой рассказ (именуется «Небылица»), садились за него раза три—четыре, набросал страницы две—три и застрял. Нельзя было даже кончить редактуру романа — оригинал английский оставил в Петербурге.

Последнюю неделю был богат газетами («Известия», «Правда») ⁶. Два раза попадались заметки о «Блохе»⁷, — из них явствует, что «Блоха» идет в декабре — как и предполагалось; идет после «Гамлета». А так как «Гамлет» уже сработан, и так как на одном «Гамлете» далеко театр не уедет, то, очевидно, сейчас там вовсю примутся (или уже принялись) за «Блоху». Сезон во 2-м Худож<ественном> уже открылся — 7-го, «Расточителем»⁸ — стало быть Дикий уже вернулся. В 1-м Худож<ественном> открывается в четверг 11-го. Сделал в «Блохе» маленькие изменения — поеду, отдам им, выберем художника. Похоже, что придется все-таки остановиться на Кустодиеве⁹. Из Москвы, вероятно, напишу. По приезде в Петербург — надо будет устраивать «Общество Поч<етных> Звонарей» — пора, самый раз — начало сезона — тот самый момент, о котором говорил Толстой¹⁰.

Что делается в журнале, где Тихонов, Чуковский — ничего не знаю, не пишут.

От Вас — кроме письма с дороги, из Ряжска ничего не получал.

Е 3

1. Волков Евгений Владимирович (1907—1982) — сын А. И. и В. В. Волковых, племянник Е. Замятина (сообщено С. В. Волковым).

2. А. И. Волкова.

3. Варвара Александровна Платонова (?—1931) — младшая сестра матери Е. Замятина.

4. 9—10 мая 1924 г. в Москве при Отделе печати ЦК РКП(б) состоялось совещание, посвященное вопросам партийной политики в области художественной литературы. Летом 1924 г. издательство «Красная новь» выпустило стенографический отчет этого совещания. На совещании в ЦК РКП(б) С. Родов заявил, что «Русский современник» «враждебен рабочему классу». 12 мая К. И. Чуковский записал в дневнике: «Первый номер „Современника“ вызвал в официальных кругах недовольство <...>» (см. подробнее: Чуковский. С. 274).

5. Речь идет о набросках для статьи «Перегибам от редакции Русского современника», помещенной в последней, четвертой книжке журнала. В ней содержался ответ на травлю, начатую на страницах печати критиками Г. Лелевичем (статья «Несовременный „Современник“» в журнале «Большевик» (№ 5—6)), К. Розенталем (статья о № 1—3 «Русского современника» в газ. «Правда» (1924. 5 нояб.)), С. Родовым и др. В написании этой статьи участвовал К. И. Чуковский (см.: Чуковский. С. 292). В архиве Чуковского сохранилась 3-я глава этой статьи, запрещенная цензурой. Целиком статья опубликована в газете «Книжное обозрение» (1989. № 18).

6. Газета «Известия» 5 сентября 1924 г. в разделе «Театр» сообщала: «Постановка пьесы Замятина „Блоха“ (по Лескову) отодвигается до декабря».

7. Репетиции спектакля «Гамлет» в МХАТ 2-м с 10 сентября шли почти ежедневно. Премьера состоялась 20 ноября 1924 г.

8. Спектаклем «Расточитель» (по Н. С. Лескову) 7 сентября МХАТ 2-й (бывш. Первая студия МХАТ) открыл сезон в новом помещении на площади Свердлова (где раньше находился Новый театр). Пьеса была поставлена режиссером Б. М. Сушкевичем в декорациях А. А. Гейрота. А. Д. Дикий играл в спектакле роль Молчанова.

9. Кустодиев Борис Михайлович (1878—1927) — живописец, театральный художник.

10. Алексей Николаевич Толстой (1882—1945) — писатель и драматург, активно сотрудничал с петроградскими и московскими театрами.

№ 218

15 сентября 1924 г. Москва

15—IX—1924

Мила Николаевна, милая. Я уже дня три в Москве. Живу в общежитии ЦКУБУ. Так оно ничего бы — отдельная комната, но поднимаются здесь спозаранок — с 7 ½ начинаются стук и шум, конечно, не высыпаюсь. Возвращаться домой можно только до часу: потом двери закрывают. Поэтому вчера, когда заболтался в ресторане с Пильнячихой и еще одной актрисой Малого театра в какой-то по-

чти незнакомой компании — пришлось ночевать в Пильнячьей квартире, в какой-то клетушке — спал часа 3. Вообще время идет очень бестолково.

Дела мои — так. Первое: «Островитян» Студия не берет — так обернулось. Надо устраивать в другом театре. Вчера отдал один экземпляр в Малый. Сегодня или завтра отдам второй экз<емпляр> в III Студию или Коршу. Придется из-за этого задержаться в Москве.

Второе: Ильинский из Студии ушел¹. Поэтому Левшу будет играть Волков. Другие роли распределяются так: Платов — Дикий; Царь — Володя Попов, Кисельвроде — Гейрот, 1-й халдей — Готовцев, 2-й — Бирман, 3-й — Подгорный или Громов²; Полшкипер — Ключарев. После окончательного распределения — напишу еще раз. Музыку будет писать Оранский или Александров³ — молодые моск<овские> композиторы. Художника все еще не можем найти, все совещаемся, консультирует Абр<ам> Эфрос.

О «Блохе» появилась рецензия в «Жизни иск<усства>»: хвалят во всю мочь и предсказывают, что-де будет «гвоздем сезона». Рецензия написана членом Реперт<уарного> Комитета в Москве⁴. Вообще пьесу одобряют коммунисты (помимо прочих смертных).

Приехал я для решения разных вопросов о «Блохе» — оказывается, в самый раз. Просят сделать еще кой-какие небольшие добавления.

Вчера получил здесь кучу писем, дожидавшихся меня в Петербурге: от Бориса Григорьева⁵, от Елизаветы Георг<иевны>⁶, от Эренбурга⁷, от Уманского⁸, от Ремизова (открытку) и ... каталог издательства Dutton⁹ из Нью-Йорка. Там нашел анонс о выходе «We», но с такой рекламой, что я почесываюсь. Идиоты!

№ 3 «Совр<еменник>а» еще не вышел. Тихонов на Кавказе; Чуковский взялся, было, за работу, но по обыкновению, заболел. Положение «Совр<еменника>» непрочное, похоже. Ветра переменились: к Воронскому в «Красную Новь» приставили двух напостовцев¹⁰, один из них — Раскольников. Возможно, что Воронский уйдет.

О «Совр<еменнике>» были еще рецензии — ругательные (между прочим, в № 2 «Октября»¹¹). Были заметки в «Mercure de France», в «Morning Post».

Вот, кажется, все главные новости. Кажется, ничего не забыл — хоть голова и садовая.

Е.

1. Ильинский Игорь Владимирович (1901—1987) — актер, режиссер. В июне 1924 г. в конце гастролей Первой Студии МХАТ в Ленинграде

М. А. Чехов предложил И. В. Ильинскому роль Левши. Кроме того, он пригласил его войти в основной состав театра при условии, что тот уйдет из Театра имени Вс. Мейерхольда (см.: Ильинский И. В. Сам о себе. М., 1980. С. 263—271). Однако Ильинский остался у Мейерхольда.

2. Волков Леонид Александрович (Зимнюков, 1893—1976), Попов Владимир Александрович (1889—1968), Гейрот Александр Александрович (1882—1947), Готовцев Владимир Васильевич (1885—1976), Бирман Серафима Германовна (1890—1976), Подгорный Владимир Афанасьевич (1887—1944), Громов Виктор Алексеевич (1899—1975) — актеры.

3. Оранский Виктор Александрович (Гершов, 1899—1953) — композитор, в 1923—1925 гг. заведовал музыкальной частью Второй Студии МХАТ 2-го; Александров Анатолий Николаевич (1888—1982) — композитор.

4. В журнале «Жизнь искусства» (1924. № 36. 2 сент.) была опубликована под псевдонимом «Садко» заметка критика Владимира Ивановича Блюма (1877—1941) «В Московском Художественном театре». В ней в числе ближайших постановок значились «Блоха», комедия Замятина по рассказу Лескова и «Петербург» Андрея Белого. Недели раньше Блум сообщил о готовящихся спектаклях «Блоха» — Лескова—Замятина и «Пугачевщина» К. Тренева с очень высокой оценкой работы Замятина (см.: Садко. В поисках репертуара // Жизнь искусства. 1924. № 35. 26 авг. С. 7—8).

5. Григорьев Борис Дмитриевич (1886—1939) — художник, близкий друг Замятиных, с 1922 г. — в эмиграции.

6. Елизавета Георгиевна Григорьева (урожд. фон Браше) — жена Б. Д. Григорьева.

7. Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) находился в это время в Париже.

8. Уманский Дмитрий Александрович — переводчик русской литературы на немецкий язык, сотрудничал с австрийским издательством «Theater Verlag Otto Eirich». В конце апреля 1924 г. Уманский был в Ленинграде и встречался с Замятиным. В письме к Ф. Сологубу 6 июня 1924 г. он писал: «В ближайшие дни я надеюсь получить рукописи пьес Е. И. Замятина» (ИРЛИ. Ф. 289 (Ф. Сологуб), оп. 3. № 696). Уманский перевел 2 рассказа Замятина: «Глаза» («Die Hundeaugen»), напечатанный в 1925 г. в газете «Das Neue Ufer», и «Пещера» («Die Höhle»), опубликованный в журнале «Die Neue Rundschau» (1925. № 1) (см.: СС. Т. 4. С. 286—287).

9. «Dutton & Co» — американское издательство, готовило к выпуску роман «Мы» на английском языке. Сообщение о готовящемся издании романа на английском языке появилось в июльском номере журнала «Новая русская книга» (1923. № 5/6. С. 51).

10. Осенью 1924 г. в редакционную коллегию журнала «Красная Новь» были введены сторонники «напостовства» — Федор Федорович Расколь-

ников и заместитель заведующего отделом печати ЦК ВКП(б) Владимир Гордеевич Сорин. См. подробно: ЛН—93. С. 538—539.

11. Во втором номере журнала «Октябрь» за 1924 г. была помещена рецензия на первый номер журнала «Русский современник». Автор, скрывший свое имя за инициалами А. С., писал о журнале: «<...> он представляет собой попытку организовать правый фланг литературы от внутренних эмигрантов до наиболее чуждых попутчиков. Не случайное (надеемся) сотрудничество Асеева и Бабеля, а Ахматова, Сологуб и Замятин определяют лицо журнала. „Современник“ определяется тем, что он смотрит в прошлое, что только в ушедшем он и живет... О прошлом и безысходном настоящем — также Сологуб. Той же безысходностью, в сущности, веет и от „Рассказа о самом главном“ Замятина» (Октябрь. 1924. № 2. С. 215—216).

№ 219

28 сентября 1924 г. Ленинград

28—IX—1924.

В Москве — третьего дня, когда я уезжал оттуда — была такая жарница, что нельзя было ходить в пальто, нельзя было ходить в жилете. А тут, в Петербурге — холод, сырость, серость, гнусь.

Уехал из Москвы так и не закончивши всех своих дел. Кончил одно, главное: с художником для «Блохи». После долгих разговоров и совещаний с Диким и Эфросом — решили попробовать (по совету Москвина¹) Крымова², хотя мне это и казалось диким. Было с Крымовым несколько свиданий. Затем он пришел в театр на чтение пьесы (я читал для всех актеров, занятых в пьесе).

Накануне моего отъезда уговорились вечером сойтись у Дикого — Крымов должен был принести туда эскиз декорации 1 акта. Принес. Я поглядел — и заплакал: совсем не то. Так Крымову и сказал. Решили, что утром в день отъезда еще раз зайду к нему — втолковать то, что надо. Прихожу — он показывает мне новый эскиз. И это оказалось, как будто, именно то, что надо. Так что я уезжал уже спокойно.

Крымов пьесой очень заразился, работает с большим аппетитом. У него есть большая смелость (в сто раз больше, чем у Кустодиева, на котором хотели остановиться), декорации, думаю, выйдут³. Крымов очень хотел, чтобы я остался еще на некоторое время, чтобы он мог показать мне эскизы декораций к другим актам, но на это нужна была еще неделя — дней пять, а из Питера уже была получена тревожная телеграмма о журнале...

С музыкантом (Оранским) тоже говорили несколько раз; там дело надежное.

Финансовые мои переговоры с театром (о какой-нибудь сум сверх авторских) остались незаконченными. Разговаривать пришлось с Берсеновым⁴, он все время вилял, тянул, жался, отлынивал, хрипел. Препротивный оказался человек. Кончать это придется сюда, письменно.

С «Звонарями» — тоже еще ничего не решено. По просьбе Студии МХАТ (бывшей 2-й Студии) читал им «Звонарей», но оказалось — платонически. Дал рукопись для чтения в Малый театр Коршу. И там, и там все кормили завтраками (читает несколько человек в каждом театре). Уехал, так и не дождавшись ответа. Впрочем, из последних разговоров с режиссером Малого театра вижу, что там не выйдет. Шлуглейту (директору Корша)⁵ пьеса, по его словам, понравилась, и он будет проводить ее в Художественном Совете. Тут — шансов порядочно; о результатах обещал написать в конце следующей недели. Если не выгорит и здесь, буду действовать в бывшей III Студии, б. IV Студии⁶, в Камерном. Одновременно здесь, в Петербурге, начну разговоры с Михайловским театром и с Болдрамой⁷.

Очень жалею, что потоп в Петербурге⁸ был без меня. По рассказам — зрелище было удивительное. Кажется, подплыла Анна Андреевна (я ее еще не видел). Моховая осталась сухой почему-то. Вес Невский, начиная от Литейного вниз — разворочен, ни единого куточка торца не осталось. На набережной против Гагаринской видел вчера — стоит огромная барка, выплунутая Невой⁹. Были залиты Мариинский, Михайловский, Большой Драматический. Впрочем, сегодня театры уже открываются. В Большом Драматическом идут репетиции Никитинской пьесы — «Праздник Йоргена»¹⁰ — ею хотят открыть там сезон.

Над журналом — густые тучи. Насчет № 4 уверенности нет. № 3 отпечатан весь, но типография не может допечатать обложки — нет тока из-за наводнения¹¹. В понедельник или вторник приезжает Эфрос — обсудить положение.

Был в «Мысли»¹². Мое заказное письмо там не получили. Из Всемирной Литературы им кто-то сообщил, что я в Крыму, послали телеграмму в Коктебель, где меня, конечно, не оказалось. Извинялись, кланялись. Во вторник получу с них деньги (очень кстати: приехал сюда банкротом, а с журнала не могу получить еще за сентябрь — нет денег в кассе). Вольфсон желает издавать мои пье-

сы. Воронский обещал выяснить в «Круге» вопрос о переиздании «Островитян»¹³.

Весь день вчера был в делах, никого из знакомых еще не видел. Видел Ростислава и Мишу, но они без Вас — не живые. Узнал (еще в Москве, от Дикого), что Леночка Анненкова¹⁴ наконец выбралась, получила паспорт и уже давно в Париже. Хотела поступить в театр (кажется, к Дягилеву)¹⁵. Но оказалось, что в этот же театр поступает Тина¹⁶ — Юрий¹⁷ тоже в Париже. Врет там, по слухам, направо и налево — главным образом, направо — поет по-эмигрантски. Нахалище!

Ремонт в квартире еще не кончен¹⁸. Остался, правда, сущий пустяк: положить колосники в печке. Но топить пока нельзя, а уже прохладно. Обещают кончить завтра—послезавтра.

Приехал я, не уведомив предварительно Аграфену. Она оказалась как раз в тот день в душеспасительном настроении — была в церкви, и я не мог попасть домой часов до 2-х. Впрочем, не горевал: выпил кофе у Лора и занялся всякими делами.

Вечером взял ванну. Сегодня проснулся в 7 — хожу, как всегда, невыспанный.

Узнал, что Вы простудились, что в Златоусте мороз и снег (или врет Аграфена). А я надеялся, что там — такое же лето, как все эти две недели в Москве. Если погода плохая — засиживаться в Златоусте не стоит.

В Лебедяни публику оставил в унылом настроении: Педтехникум закрыли, Владимир Васильевич¹⁹ остался без работы, Женя²⁰ — свободным гражданином. Не очень весело!

Привет Марии, Серг<ею> Конст<антиновичу>, Андрею.

Е

Вчера не послал письма — не было конверта. Днем был у Аннушки²¹. Конечно, Пунин²². Собирается уезжать с квартиры: назначили плату 80 руб. в м<есяц>.

1. Москвин Иван Михайлович (1874—1946) — актер Московского Художественного театра.

2. Крымов Николай Петрович (1884—1958) — живописец, театральный художник.

3. К. И. Чуковский после встречи с Замятиным 29 сентября 1924 г. отметил: «Изо всех возможных декораторов он <Замятин — М. Л.> выбрал Крымова и доволен» (Чуковский. С. 289).

4. Берсенева Иван Николаевич (Павлищев, 1889—1951) — актер, режиссер.

5. Шлуглейт Мориц Миронович (1883—1939) — театральный директор, административный работник.

6. Председатель Художественного Совета IV Студии МХАТ Константин Михайлович Бабанин 14 мая 1924 г. обратился к Замятину с предложением отдать пьесу «Общество Почетных Звонарей» в их театр (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 32).

7. Ленинградский Большой драматический театр.

8. 24 сентября в Ленинграде произошло наводнение.

9. Прогулку по городу Замятин совершил вместе с К. И. Чуковским. Последний отметил в дневнике 29 сентября: «<...> мы пошли гулять на набережную и увидели баржу на набережной — неподалеку от Летнего сада». (Чуковский. С. 289).

10. Никитин Николай Николаевич (1895—1963) — писатель, драматург. Его пьеса «Корона и плащ» по мотивам «Праздника святого Йоргена» Х. Бергстеда была поставлена в Большом драматическом театре (премьера — 17 октября 1924 г.).

11. Причина задержки выхода журнала состояла в другом. 4—5 октября Чуковский записал в дневнике: «С ц^{ен}зурой опять нелады. Приблизительно в субботу — „К. И., не пускают «Современник» в продажу. „Почему?“ — „Да потому, что Вы вписали туда одну строчку“. Оказываясь, что исправляя Финка, я после цензуры вставил строчку о суздальском красном мужичке, которого теперь живописуют как икону. Контроль держал книгу. Бегу на Казанскую, торгуюсь, умоляю — и наконец разрешают» (Чуковский. С. 289).

12. 13 июня Замятин подписал договор с книгоиздательством «Мысль» (владелец — Л. В. Вольфсон) на издание пьес «Блоха» и «Общество Почетных Звонарей» (см.: ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 64). Обе пьесы вышли отдельными изданиями в 1926 г.

13. Ни повесть «Островитяне», ни сборник «Островитяне», незадолго до этого выпущенный двумя изданиями Издательством Гржебина, в «Книжке» изданы не были.

14. Анненкова Елена Борисовна (урожд. Гальперина, 1897—196?) — балерина, первая жена Ю. П. Анненкова, вскоре вернулась в Советский Союз.

15. Дягилев Сергей Павлович (1872—1929) — театральный деятель. На основе «Русских сезонов в Париже» (1907—1913) создал постоянную труппу «Русский балет Дягилева», существовавшую до 1929 г.

16. Тина — Валентина Ивановна Анненкова — балерина, вторая жена Ю. П. Анненкова.

17. С 1924 г. Ю. Анненков постоянно жил и работал во Франции. После приезда Замятиных в Париж в 1932 г. он поддерживал с ними близкие дружеские отношения.

18. Речь идет о квартире Замятиных на Моховой ул., д. 36, кв. 8.

19. В. В. Волков.

20. Е. В. Волков.

21. А. А. Ахматова до ноября 1924 г. жила на наб. р. Фонтанки, 2, кв. 307; 3 ноября переехала на наб. р. Фонтанки, 34.

22. Пунин Николай Николаевич (1888—1953) — искусствовед, муж А. А. Ахматовой.

№ 220

Телеграмма

29 сентября 1924 г. Ленинград

Поздравляем¹ Ростислав Миша «Я»

1. Замятин поздравляет Людмилу Николаевну с именинами, она в это время жила у М. Н. и С. К. Ильинских в Златоусте (Первая Зарайская, 8а). На обороте телеграммы — пометы Л. Н. Замятиной.

№ 221

22 ноября 1924 г. Москва

22—XI—1924

Мила Николаевна, пишу в ужасной спешке — сейчас чтение статьи.

Первое — жив-здоров. Ехал комфортабельно: один в купе.

Второе — был в театре, смотрел эскизы: плохо. Устроили с Диким заговор: свергнуть Крымова¹ и пригласить Кустодиева. Кустодиеву посылаю письмо² одновременно — оно будет доставлено вместе с Вашим — этим — Всемирной³.

Пожалуйста — проверьте, верно ли я написал адрес Кустодиева (его т<е>л<е>ф<он> 206—76, зовут его Борис Мих<айлович>). И затем: доставьте Кустодиеву экземпляр «Блохи» (у меня в письм<ен>ном> столе, в правой тумбочке, на средней полке (или верхней)). Все это очень срочно.

«Общ<ество> Поч<етных> Звонарей» — у Корша не идет. В ЦЕКУБУ⁴ ночевки не устроилось: ночью у Пильняка или в уборной Чехова⁵.

ЕвгЗ

1. А. Д. Дикий вспоминал о Н. П. Крымове: «Он работал с увлечением, тщательно, а эскизы представил довольно поздно, когда работа входила в решающую стадию. Эскизы были великолепные. С полотна глядела настоящая русская уездная „натуральная“ Тула: низенькие хатки, голые, облетевшие деревья, на одном из них — черная намокшая ворона. Повторяю, это прекрасно, но совсем не то, что нужно было нам.

Ведь мы мыслили себе „Блоху“ как балаганное представление, лубочное <...>. Весь спектакль должен был стать игровым, шутейным, пряничным, потому мне нужны были не натуральные, а лубочная Тула, лубочная Москва и лубочный Петербург.

Я заявил на художественном совете, что бракую эскизы Крымова, несмотря на их высокое качество. <...> ... к тому времени я уже точно представлял, какой художник нужен для оформления задуманного спектакля „Блоха“. Решено было обратиться к Б. М. Кустодиеву» (Дикий. Повесть о театральной юности. М., 1957. С. 338 — 339).

2. Это письмо сохранилось. В нем, написанном в тот же день, 22 ноября, Замятин писал Б. М. Кустодиеву: «<...> единственный художник, который может дать в пьесе то, что нужно, — это Вы <...> Работа срочная: для эскизов — недели три. <...> Одновременно посылаю письмо своей жене, чтобы она доставила Вам экземпляр пьесы. <...> пожалуйста, пожалуйста, — приглашайте!» (Цит. по: Дикий. С. 303).

3. Издательство «Всемирная литература».

4. Речь идет об общежитии Центральной Комиссии по улучшению быта ученых при Совете Народных комиссаров РСФСР, которое помещалось в Пречистенской наб., 5. Здесь, приезжая по делам в Москву, часто останавливался Замятин.

5. Чехов Михаил Александрович (1891—1955) — актер и режиссер, младший сын А. П. Чехова и любимый ученик К. С. Станиславского. С 1912 по 1922 г. играл в Первой студии МХТ, с 1922 г. — ее директор. В 1924—1928 гг. актер, режиссер и директор МХАТ 2-го. Имеется свидетельство А. Д. Дикого, говорящее об интересе М. Чехова к пьесе «Блоха»: «...вскоре после премьеры „Блохи“ М. А. Чехов через И. Н. Берсенева дал мне знать, что хотел бы в порядке очередного ввода сыграть в моем спектакле Левшу» (Дикий. С. 196). Об имени «Ростислав» см. примеч. 3 к п. 196.

№ 222

24 ноября 1924 г. Москва

24—XI—1924.

Милая Мила Николаевна — видно, придется Вам потревожить Агру и послать ее в Политехникум¹. Канцелярия Кораблестроения

тельного> факультета — кажется, в III этаже бывшего второго общежития.

Вы, очевидно, получили предыдущее письмо — потому что от Кустодиева уже получен ответ, что он согласен работать декорации и костюмы. — Я приехал сюда в тот самый момент, когда Дикий собирался телегр<афировать> мне, чтобы я приезжал: моя поддержка нужна была, чтобы произвести революцию и свергнуть Крымова. Эскизы декораций и костюмов Крымов уже сделал: не то, серо, слабо — это могло провалить пьесу.

Сегодня с утра до 4-х сидел у Дикого: делали (вернее, намечали) кое-какие изменения в IV акте, обсуждали костюмы и прочее. Сейчас — в «Совр<еменнике>». В 8 буду у Пильняка, где сегодня вино-литературное сборище: Белый читает несколько глав из романа². Будет, должно быть, порядочно народу, в том числе — может быть — Лужский³ и Ваш Качалов⁴.

Вчера обедал у Липочки. Она очень подурнела, по мне. Вечером с Пильняком был на «Ревизоре» в Худож<ественном>⁵. Чехов⁶ — Ростислав — удивительный; очень хороши Москвин, Книппер⁷. Был в антрактах у Лужского и Москвина. Лужскому отдал пьесу.

Сегодня видел Бабанина⁸; для них пьеса сложна. Завтра буду сдавать пьесу в III Студию и в Камерный⁹. Вечером пойду посмотреть «Гамлета» — Чехова¹⁰.

В ЦЕКУБУ все еще нет комнаты, живу в театре. Вчера прямо из Худож<ественного> пошел спать, но все-таки лег в час, проснулся в начале 9-го, глаза сонные третий день — завтра будет четвертый. Может быть, завтра перееду в ЦЕКУБУ. В четверг — в пятницу, может быть, выберусь домой.

У Магарама нету денег; «Современник» трещит. Пробуем устроить комбинацию с другим издателем — через Пильняка¹¹; на меня возложена миссия обработать Пильняка. Вообще — дел выше головы; скольких хождений стоило добыть рукописи пьесы из Малого и от Корша!

Если будет охота и время, м<ожет> б<ыть>, начнете переписывать мою статью «О синтетизме» из Анненк<овской> книж<ки>¹² — экземпл<яра> 3.

Евг 3

1. Ленинградский политехнический институт.

2. События 23 и 24 ноября Б. Пильняк отразил в автобиографическом рассказе «Расплеснутое время», написанном 12 декабря 1924 г.: «Приехал из Питера Замятин. Обедали, собрались в театр. Евгений с репетиции (при-

езжал смотреть, как ставят во Втором МХТ „Блоху“) заезжал в Совре-
ник, привез оттуда мне письмо, присланное в адрес редакции (когда
брался я уже из дома, звонил Рукавишников <...>); Евгений передал
письмо <...> Замятин и я, мы пошли в Художественный на „Ревизор
антракте Евгений пошел за кулисы <...> <На следующий день,— с
Вечером мы собрались слушать Андрея Белого» (Пильняк Б. Расплет
время: Рассказы, повести, романы. М., 1990. С. 70—72).

3. Лужский Василий Васильевич (Калужский, 1869—1931) — ар-
режиссер, один из основателей МХТ.

4. Качалов Василий Иванович (Шверубович, 1875—1948) — арти-
ст труппе Московского Художественного театра с 1900 г. Сохранились дв
письма к Людмиле Николаевне Замятиной (ОР РНБ. Ф. 292, № 18).

5. Спектакль «Ревизор» по пьесе Н. В. Гоголя в Московском Художес-
твом академическом театре. Постановка К. С. Станиславского, художни
К. Ф. Юон. Премьера состоялась 8 октября 1921 г.

6. М. А. Чехов в «Ревизоре» сыграл Хлестакова.

7. И. М. Москвин в «Ревизоре» играл роль Городничего; актриса О
Леонардовна Книппер-Чехова (1868—1959) — играла роль Анны Андр
ны, в очередь с М. П. Лилиной.

8. См. примеч. 6 к п. 219.

9. Камерный театр, его основателем и бессменным руководител
1915 г. был режиссер Александр Яковлевич Таиров (1885—1950).

10. М. Чехов сыграл Гамлета в спектакле МХАТ 2-го (премьера — 20
ября 1924 г.). Режиссеры В. С. Смышляев, В. Н. Татаринов, А. И. Чебан
дожник — М. В. Лобаков.

11. Попытки найти деньги для издания журнала «Русский совре-
ник» не увенчались успехом (см.: Чуковский. С. 293—295, 302).

12. Статья Замятина «О синтетизме» была опубликована в книге:
ненков Ю. Портреты / Текст Е. Замятина, М. Кузьмина, М. Бабенчик
СПб., 1922.

№ 223

27—28 ноября 1924 г. Мо

XI 1924 г.¹

Милая Мила Николаевна — может случиться, еще задержу
выеду в воскресенье или понедельник. Больше всего сбил с то
Лужский: ему пьеса очень понравилась, он передал ее Качалову.
Качалов прочитал только три акта, ему тоже понравилось (захо
сегодня в гости к Качалову — он Вам кланяется). Завтра должен

тать Москвин. И пока не будет покончено так или иначе с МХАТ — не хочется кончать с двумя другими театрами, с к<оторы>ми веду разговор. Эти театры — Камерный и III Студия. В III Студии просят завтра прочесть пьесу всем. А я простужен — насморк, хриплю, уж и не знаю как будет.

Сейчас еду обедать к Пильняку, оттуда — на суд над Бабелем, где будет выступать Буденный².

Деньги у меня есть: взял аванс в театре.

Позвоните Кустодиеву, что приеду в понед<ельник> или втор-н<ик>³.

ЕЗ

1. Помета Л. Н. Замятиной карандашом, дата уточняется по содержанию.

2. Вероятно, речь идет об одном из «литературных судов», которые стали распространенной формой общественных дискуссий о литературе.

Журнал «Красная Новь» в первом и третьем номерах за 1924 г. напечатал главы из книги И. Э. Бабеля «Конармия». С. М. Буденный в отзыве на эту публикацию обвинил писателя в лживом изображении Красной армии: «Гражданин Бабель рассказывает нам про Конную Армию бабьи сплетни, роется в бабьем барахле — белье, с ужасом по-бабьи рассказывает о том, что голодный красноармеец где-то взял буханку хлеба и курицу; выдумывает небылицы, обливает грязью лучших командиров-коммунистов, фантазирует и просто лжет» (Буденный С. М. Бабизм Бабеля из «Красной Нови» // Октябрь. 1924. № 3. С. 196—197).

И. Бабель направил письмо в редакцию журнала «Октябрь». В нем он подчеркивал, что Конармия и ее герои — художественные образы и ничего общего с реальными людьми не имеют. Он, однако, признал, что имя героя повести перешло от реального человека — начальника 6-й дивизии Первой Конной Армии С. К. Тимошенко из-за поспешной публикации глав книги (Бабель И. Письмо в редакцию // Октябрь. 1924. № 4. С. 223).

Об одном из таких «литературных судов» над «Конармией» сообщила газета «Читатель и писатель» (1928. 18 февр. С. 6): «Ко дню 10-летия Красной армии клубные кружки 56 кавалерийского полка готовят Литературный Суд над „Конармией“. В Суде примут участие инспектор кавалерии Красной Армии, член Реввоенсовета СССР тов. С. М. Буденный и автор „Конармии“ И. Э. Бабель».

3. Замятин вернулся во вторник 2 декабря 1924 г. и писал А. Д. Дикому: «<...> сегодня приехал — и сегодня же отнес макет Кустодиеву.» (Дикый. С. 306).

6 февраля 1925 г. Моск

6—II—1925

Мила Николаевна, простите ради Бога, что заставил беспокоить своим молчанием. Наполовину виновата Липочка — обещала оказать помощь, я к оказии написал, а затем это расстроилось.

Пишу в Художественном — сижу, жду Лужского — уговорились увидеться сегодня с ним и Немировичем¹.

Устал безобразно. Вчера — репетиция (первая генеральная), в 6, затем разговоры, в 7 уехал из театра, а в 8 уже должен был читать в Доме ученых². Сегодня — тоже: с утра с Чеховым, Диким и другими режиссерами сидели, делали замечания по вчерашней репетиции, сделали много купюр.

Парадная генеральная — в понедельник. Волков — хорошо. Плох — Гейрот⁴, беда! О Крымове писал — что места у него нету.

Относительно Александра Николаевича⁵ ничего нового. Екатерина Павловна⁶ обещала дать мне справку⁷ сегодня.

Денег для Веры Вл. пока не достал⁸. Некогда. После генеральной — или, может быть, в воскресенье.

Ев

1. Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943) — режиссер, один из основателей и директор Московского Художественного театра.

2. Газета «Известия» (1925. 11 февр.) сообщила: «В четверг 5 с. м. в Доме Ученых ЦКУБУ Евг. Замятин прочел свою новую пьесу „Общество Почтовых Звонарей“ (Трагикомедия в 4 действиях)».

3. Л. А. Волков исполнял роль Левши.

4. А. А. Гейрот играл в спектакле роль Кисельвроде.

5. А. Н. Тихонов.

6. Пешкова Екатерина Павловна (урожд. Волжина, 1878—1965) — жена М. Горького.

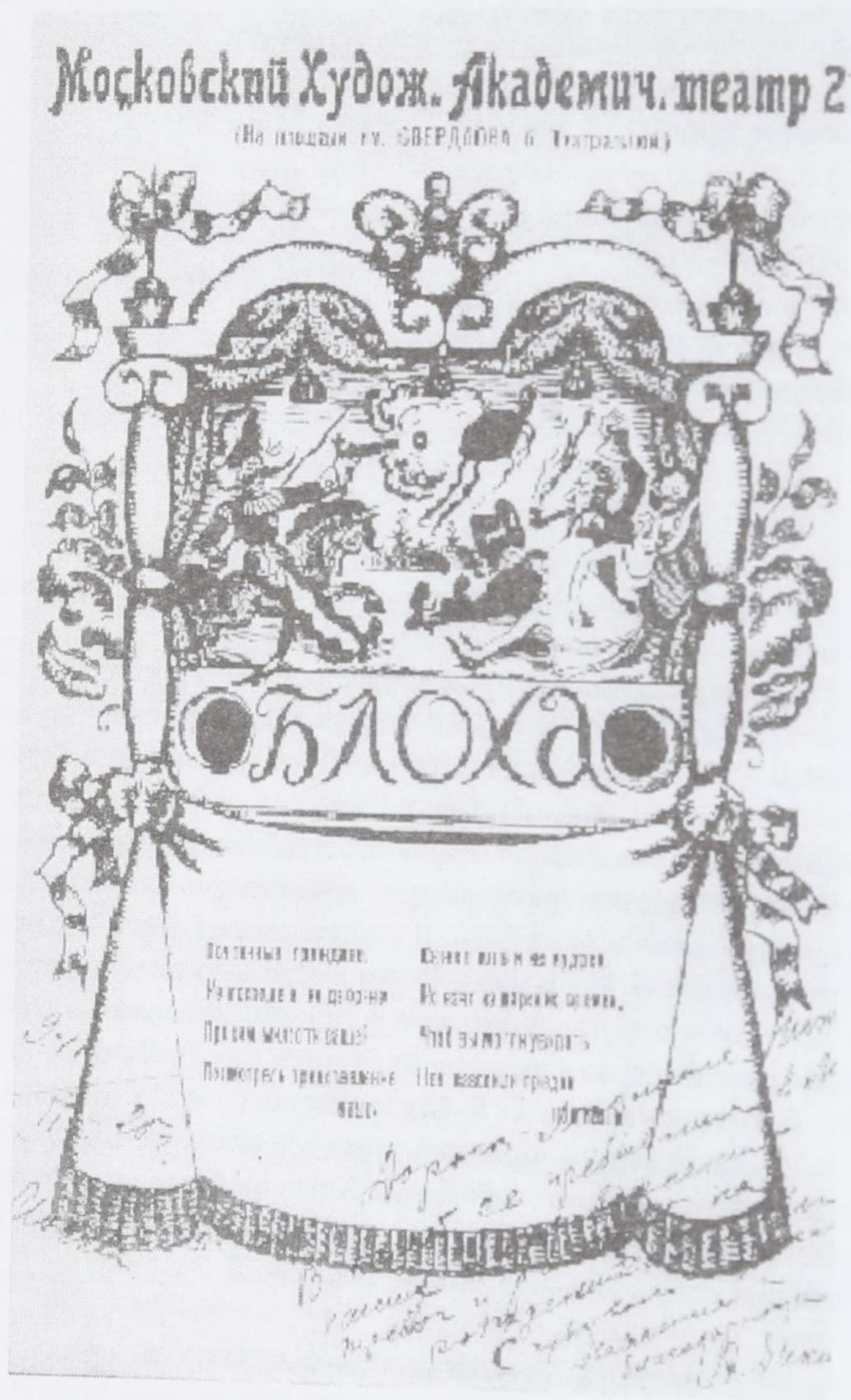
7. Вероятно, по аресту А. Н. Тихонова, который в начале февраля 1925 был арестован и провел в заключении около четырех месяцев (см. записки К. И. Чуковского от 15 февраля 1925 г. в изд.: Чуковский. С. 325).

8. Фамилия не установлена. Вероятно, сотрудница журнала «Русский современник», которой А. Н. Тихонов должен был привезти из Москвы деньги для выплаты сотрудникам журнала (Чуковский. С. 325). В связи с арестом А. Н. Тихонова, Замятин пытался выполнить эту задачу.

№ 225
Телеграмма

7 февраля 1925 г. Москва

Парадная репетиция девятого понедельник приезжайте

Автограф А. Д. Дикого на театральной программе. 1925 г.

20—V—1925

Мила Николаевна — Рабинович (настоящий)¹ привезет это пи
мо (которое пишу в кафе, утром). Конференция² кончилась тол
вчера в 6 вечера. Заседали буквально целые дни — не было ни м
нуты свободной, чтобы написать — еле успевали обедать.

Вчера был на «Блохе» — и только тут в первый раз за эти д
увидел Дикого и прочих. В театре встретил Марголина³.

Живу в гостинице — на Тверской. Уеду ли отсюда завтра —
знаю. Может быть, и не успею все сделать — тогда еще задержусь
день.

Сегодня — миллион дел: Ефрос, Ек<атерина> Павл<овна> Пе
кова, Немирович, Воронский. С Диким условился встретиться в су
(над Ключаревым)⁴ часа в 2.

Good buy*. Не вешайте головы.

1. Вероятно, Рабинович Иосиф Яковлевич (псевд. О. Ларин) — жур
лист, юрист, юристконсульт Литературного фонда, улаживал финансо
дела писателей с издательствами.

2. 15—19 мая 1925 г. в Москве проходила Первая Всероссийская кон
ференция драматургов.

3. Марголин Самуил Акимович (1893—1953) — режиссер, театраль
критик.

4. 30 апреля 1925 г. в газете «Вечерняя Москва» был опубликован фе
етон Д. Угрюмова «Глупость в квадрате» о постановке спектакля «Кор
квадратной республики» в МХАТ 2-м. В ней рецензент оскорбил испол
тельница главной роли О. И. Пыжову. В этот же день после окончания сп
такля В. П. Ключарев обругал Угрюмова и дал ему пощечину. В Крас
пресненском народном суде в течение пяти дней разбиралось дело ар
тов МХАТ 2-го Ключарева, Г. В. Музалевского, А. М. Жилинско
Афонина, А. И. Благоднарова, привлеченных «за оскорбление действи
рецензента Д. Угрюмова. Приговором суда Ключарев был присужден к
шению свободы сроком на один месяц. Остальные оправданы (см.: Дело
избиении рецензента // Новый зритель. 1925. № 22. 2 июня).

* До свидания (англ.).

№ 227

26 июля 1925 г. Москва

26—VII—1925

Мила Николаевна, посылаю доверенности и три подписи бланковых — текст доверенности, когда понадобится, напишите на машинке.

Я забыл листки анализов (мочи и пр.). Они в письменном столе, в средн<ем> ящике, справа, вместе с письмами. Пожалуйста, вытащите их и пошлите мне — придется послать до востребования.

С Тих<оновым>¹ говорил по телеф<ону>. Он едет во вторник к Волошину.

Тороплюсь сдать письмо и садиться на поезд.

Извинитесь перед Рост<иславом> и Мишей.

Е.

1. А. Н. Тихонов. Об этом свидетельствует приписка Замятина к письму А. Н. Тихонова — М. А. Волошину с просьбой устроить Тихонова в Коктебеле, сделанная 10 июня (см. *Замятин — Волошину*. С. 124).

№ 228

27 июля 1925 г. Мальчевская

27—VII—1925

Чем дальше еду, тем яснее: что юг — в Петербурге, а здесь — север. Небо — тучное, солнца нет, вчера раза два лил дождь. На душе — тоже тучи. Вагон полупустой, из окон — пустыни и степи, в купе со мной только один какой-то идиот, который храпит целые дни. За все время ни с кем не сказал ни слова — лежу и читаю, дочитываю уже пятую книгу.

Попробовал сегодня утром выпить кофе (мало спал) — ничего хорошего не вышло. Больше уж не буду.

Е

№ 229

31 июля 1925 г. Кисловодск

31—VII—1925

Пока хорошего мало. Главная беда — разваливаюсь от недосыпания. Никак еще не устроюсь с комнатой. Вообще мытарства здесь

жестокие — пока дойдешь до ванн, нужно пройти девять Дант кругов — и я только случайно был избавлен от части их.

В день приезда (голодный — вагон-ресторан отцепили ран ром) что-то поскорей съел — и к доктору, к Самсонову. Разыска на дому, где он меня и принял (что здесь отнюдь не полагает Щупал, стучал: все в порядке (увеличена селезенка). Колит, по мнению, на нервной почве — с самого начала — результат «нер психических травм». Назначена диета и нарзанские ванны. Ч неделю, вероятно, прибавятся Есс<ентуки> № 4 и солнечные ва

От Самсонова — по гостиницам: с пансионатом он советов торопиться — возьмут деньги вперед за месяц, а там хоть пла живи. Словом, к вечеру еле нашел комнату: под окном — орала ночь горная речонка, рядом — уборная... Словом, спал часа 2 1/2. Вечером перед тем как спать — пошел выпить чаю в кафе и т встретил некую благодетельную женщину — ту самую, к<ото однажды звонила без конца к нам, чтобы добиться Тихонова. Э моск<овская> поэтесса и моя поклонница. С ее помощью и с п щью 3-х рублей я в один день сделал то, что другие делают в 3 причем становятся в очередь в 5 утра; получил курортную и ную книжки. В четверг надо было бы опять стать в очередь в 5 ут запись к доктору — я стал в час дня. Сегодня в 6 веч<ера> пе ванна — нарзан пополам с пресной водой 27°. Сейчас бегу д вать билетки на ванны на всю неделю.

Эта же благодетельница, с пом<ощью> своих знакомств, уст ла комнату в отеле «Центр». В комнате — двери справа и двери ва: справа до 12 гости, слева в 6 1/2 иудейчик просыпается и поет ни, а родители восторгаются, а я не сплю и ругаюсь последн словами...

Сегодня, кажется, дадут здесь комнату поспокойней. Бегу — ставить удостоверение — и в очередь.

№ 230

5 августа 1925 г. Кисло

5—VIII—1925.

Милуша, милая — как больно мне от Вашего письма — как но! О каком же «прощении» может идти речь, когда я чувствую виноватым? Виноватым не в чем-нибудь ином, а в том, что м Вас. И, если угодно, мне даже бывает как-то легче, когда Вы сд

те мне больно: как будто этим снимается с меня часть моей тяжести. Таким вот каким-то — хоть маленьким — искуплением был и день моего отъезда. И, конечно же, у меня не осталось от этого дня ничего злого: только боль, это — совсем другое.

Я как будто боюсь поверить, что у Вас такая большая душа и такое большое чувство, и все хочется найти какие-то минусы, чтобы не так стыдно было за себя. Потому что я на большое уже не способен. Был когда-то, знаю. А потом — не то нелепая моя жизнь меня истолкла, не то литература меня съела. Вот Вы мне часто не верите, когда я говорю: «не знаю», а ведь я говорю то, что есть. Я так приучил себя чувствовать за других — за разных Атилл¹ — что уже потерял тот инструмент, каким настоящее отличают от выдуманного (если только и в самом деле есть настоящее).

Ну, Бог с ней — с психологией. Во всяком случае, вот чему должна верить: вероятно, единственный человек, чью боль я чувствую как свою — это ты.

Я пока чувствую себя неважно: не сплю, никак не найду тихого для себя помещения. В гостинице за 9 дней переменил уже пять комнат. Раза три ходил искать в частных домах: всюду одно и то же — двери в соседние комнаты и там — дети. Вчера утро потратил на осмотр комнат с пансионом. Взять здесь комнату — дело довольно рискованное — деньги берут вперед, но, кажется, пойду на этот риск. В гостинице больше жить нет мочи.

Отчасти я и сам виноват: все встают здесь рано — ванны начинаются в 6 1/2 утра — надо бы ложиться часов в 10. А я последние дни ложился в 12, а то и позже. Это — из-за III Студии: они сейчас здесь, каждый вечер путался с ними. К счастью, завтра—послезавтра уезжают.

Взял пока 6 ванн нарзанных (ванны не каждый день — после 2—3 ванн полагается перерыв). Ванны эти — действительно, вещь очень хорошая. И чувствую, если бы я только спал — через неделю стал бы человеком.

Был вчера у доктора еще раз. Кроме ванн, получил циркулярные души — так что это пойдет попеременно: день — ванна, день — душ.

Сейчас — как запечатаю письмо — пойду в один пансионат. Адрес пока все тот же — до востребования. Когда устроюсь оседло — с почтамта письма будут пересылаться мне.

Неужели до сих пор не получены деньги из Москвы от Госиздата? И затем — я просил «Мысль» выплатить Вам остаток денег по Уэллсу и 125 руб<лей> — по выходе «Блохи». Получено ли это? Ни